

ДМИТРИЙ РАСПОПОВ

18+

РЕМЕСЛЕННИКИ ДУШ

Ремесленники душ

Дмитрий Распопов
Ремесленники душ

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Распопов Д.

Ремесленники душ / Д. Распопов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Ремесленники душ)

Два самых мощных государства на континенте сражаются за ценнейший ресурс планеты, и это не благородные металлы или драгоценные камни, это — источник энергии. Паровые коляски, мельницы, боевые корабли и даже время — всем может управлять эссенция человеческой души. Только Ремесленники способны переплавить душу в энергию, поэтому от них зависит судьба всей Империи. Юный Рэджинальд занят борьбой за свободу от отца-деспота и поисками кровожадного маньяка и еще не знает, какую важную роль ему предстоит сыграть в партии сильных мира сего...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Распопов

Ремесленники душ

Пролог

Дождь лил с такой силой, что я с трудом различал ступеньки. Схватившись за поручень, я сделал один осторожный шаг, стараясь не упасть на перрон.

– Осторожно, сэр, позвольте взять ваш саквояж. – Сначала послышался голос служащего, и только затем появилась его рука.

Я смутился: пока я ехал в поезде, меня впервые в жизни везде называли «сэр», а все из-за того, что отец оплатил люкс. Это было очень приятно и по-взрослому, ведь вагонов люкс было всего три, а дальше по составу общие вагоны были битком набиты людьми, которые кричали, ругались и даже дрались за куски хлеба или другую еду. Все это я видел во время немногочисленных остановок, когда поезд вез меня в неизвестность из родного города до нашей столицы.

Раскрывшийся надо мною зонт сопровождал каждый мой шаг особым шумом, присущим лишь граду ударов льющейся с неба воды.

– Мистер Рэджинальд? – Встречающий меня человек склонил голову: – Ваш отец поручил мне забрать вас.

– Хорошо. – Я снова смутился и, передав ему свой небольшой узелок с вещами и саквояж, сошел на перрон и оглянулся на поезд.

Застывший на путях железный монстр сейчас лишь попыхивал паром, изредка раздражаясь тоненьким свистком. Зализанная форма корпуса с огромной фарой-прожектором сильно контрастировала со всем остальным составом. Если три люкса, один из которых был мой, были еще схожи с ним по форме и общей ухоженности, то задние вагоны, сбитые из дерева, с облезшей краской бортов, казались мне настоящими уродцами, прилепленными к этому чуду механики.

Это была моя первая поездка на поезде, да и вообще первая поездка куда-либо, так что я был благодарен отцу, который, оплатив дорогой билет люкса, позволил мне любоваться видом из окна собственного купе.

Резкий свисток полицейских вывел меня из задумчивости, заставив вздрогнуть. Видимо, не дав сойти с поезда приезжим из провинции, они устроили облаву.

– Пройдемте, – забеспокоился встречающий, – здесь становится небезопасно.

Я согласно кивнул и поспешил за ним, стараясь, чтобы мое пальто из хорошего сукна не сильно пачкалось. Денег, присылаемых отцом, хватало только на двух старших братьев, а остальным, и уж тем более последнему, мне, обычно доставались обноски. Поэтому, впервые в жизни получив новый комплект одежды, я очень бережно к нему относился.

Сегодня был день удивлений. Когда мы оставили перрон позади и сошли по ступенькам вниз к площадке, то увидели, что под навесами столпилось еще больше народу, чем прибыло на поезде. Они жались друг к другу, стараясь слиться со стенами вокзала, чтобы ливень не намочил их вещи. Но мое удивление вызвало то, к чему мы подошли, – настоящий пароцикл! У моего встречающего было собственное средство передвижения! Трехколесная конструкция с маленькой кабиной и большим котлом позади была, по сути, сильно уменьшенной копией парокара. Пусть он и не был таким комфортабельным и удобным, как больший собрат, зато сидящие внутри полностью закрытой маленькой кабинки пароцикла могли не бояться дождя или снега в отличие от кебов или повозок.

Вот только места внутри хватало лишь на двоих из-за большого котла сзади. Поэтому, с трудом втиснув свои вещи и сев на жесткое сиденье, я замер и боялся шевельнуться, чтобы ненароком не задеть или не сломать что-нибудь в дорогостоящем агрегате.

«Неужели отец зарабатывает так много, что может позволить себе иметь собственный пароцикл? Да мальчишки всего города умерли бы от зависти, если бы увидели, что я еду в модном и безумно дорогом аппарате!»

Внутри пароцикла было удивительно. Тонкий аромат выделанной кожи перемежался с запахами дерева, лака и смазки, создавая внутри уникальную атмосферу. Обо всем этом я читал с друзьями в рекламных брошюрах, когда, забираясь подальше от взрослых на железнодорожную насыпь, мы мечтали о собственном современном средстве передвижения.

– Вы совершенно промокли, – с сожалением констатировал человек, открывая дверь со своей стороны и пропуская в кабину шум улицы. Я ждал несколько минут, пока он возился с котлом. – Сэр Грюнальд будет недоволен.

Я пожал плечами, но вспомнил, что молодым джентльменам нужно быть вежливыми.

– Простите, сэр, что забыл представиться. – Я скопировал взрослый жест, приложив два пальца к голове. – Рэджинальд ван Дир, восьмой сын сэра Грюнальда.

– Очень приятно. – Человек непонятно чему усмехнулся и протянул мне ладонь, которую я постарался пожать, но из-за ее необъятных размеров смог обхватить только пару пальцев. – Дик Ваерс, управляющий вашего отца. Только я не сэр.

– Можно мне называть вас Дик? – попросил я, страшно смущаясь. Я не знал, разозлит ли его моя просьба, поэтому быстро добавил: – Можете в ответ звать меня Рэдж.

– Даже удивительно, что у такого... – Дик снова странно хмыкнул и сделал паузу, – отца такой вежливый сын.

Затем он помотал головой и спокойно поинтересовался:

– Надеюсь, мои слова только для нас двоих, приятель?

Я усиленно закивал – не хотелось бы начинать ссору знакомство с человеком, который вез меня на чуде техники. Кто знает – я даже сощурился от открывающихся возможностей, – может быть, однажды он даст мне коснуться рычагов.

Пока он возился с управлением, я покосился на него, поскольку из-за дождя не смог рассмотреть, как он выглядит. Старше меня лет на десять, коротко подстрижен, волевой подбородок чисто выбрит – вот и все, что я мог определить сейчас, поскольку видел только его профиль. Одежда его была недорогой: грубый сюртук, штаны и маленький котелок.

Пока мы ехали, я вертел головой. Хотелось увидеть все сразу, даже тусклое освещение газовых фонарей и монотонный дождь, заставляющий водителя одной рукой держать руль, а второй крутить ручку,двигающую щетки на переднем стекле, чтобы хоть что-то видеть в непроглядной стене воды.

– Дешевая модель, – внезапно пожаловался он, но быстро поправился: – Но я рад и этому, настолько привык уже, что и не помню, как передвигался раньше. Раз – и ты в Тауэр-Хилле, два – и уже возле Гринвич-роад.

Я промолчал, поскольку за окном зрелище было гораздо интереснее. Мы проехали бедные кварталы, которые из-за дождя было трудно различить между собой. Они не освещались и не отапливались, поэтому тем удивительнее был контраст, когда мы выехали на первую из залитых огнями дорогу. Навстречу стали попадаться пароциклы и даже парочка парокаров, которые, сверкая своими хромированными боками и издавая басовитый гудок, приветствовали на дороге младших собратьев. Я практически прилип к окну, стараясь впитать все новое: и высокие шпили резных зданий, что возносились на немыслимую для провинции высоту, и огромные часы на городской ратуше, в которых с помощью больших шестеренок двигались стрелки, чей стрекот, наверное, далеко разносился в хорошую погоду. Я сделал себе пометку:

обязательно побывать рядом и послушать их ход – таких больших часовых механизмов я еще не видел!

– Почти прибыли. – Дик не мешал мне крутить головой, посмеиваясь над моей провинциальностью. Он оказался прав: мы вскоре подъехали к огромным кованым воротам, закрывающим собой гигантскую, огороженную сплошным железным забором территорию. Я не видел, где заканчивается забор, – настолько далеко он протянулся в обе стороны от ворот.

– Квартал ремесленников, – особым тоном произнес мой провожатый, – самая лучшая для проживания территория города, уж поверь мне, Рэдж. У нас здесь все свое. Лавки, рынки, театры – все, что нужно для нормальной жизни. К тому же это самая охраняемая часть города. У нас мало преступлений и пьяных дебошей, а поскольку для виновных обычно всего одно наказание – изгнание, то все ведут себя прилично: дорожат своим местом.

Я с любопытством смотрел, как двое дюжих полицейских, кутаясь в огромные дождевики, открыли ворота и проверили пропуск Дика. Они посветили мне в лицо фонарем, словно запоминая на будущее. Проезжая мимо их сторожки, я заметил, что еще под крытым навесом дежурят четверо, готовые в любой момент прийти на помощь коллегам. Поскольку плащей на них не было, я разглядел их красивую темно-синюю форму.

– Охрана, – гордо произнес Дик, видя мою заинтересованность. – Такие патрули раз в час обходят кварталы. Уж с ними не забалуешь, сэр, – многие знают их фунтовые кулаки. Пытался я как-то попасть сюда, прежде чем меня заметил ваш отец, – да куда там! Очередь длинной в милю.

– А где живет отец? – полюбопытствовал я, отрываясь от окна. Кроме квартала, залитого огнями, не было видно ничего, так что я решил отложить на потом исследование места будущего обитания и поспрашивать своего провожатого.

– Сэр Грюнальд – глава Цеха ремесленников. – В словах Дика сквозило нескрываемое уважение. – Он живет в лучшей части квартала. Да мы уже практически подъезжаем к ней, смотрите.

Первое, что я увидел, повернувшись к окну, была большая площадь с неработающим фонтаном и статуей, возвышающейся не меньше чем на полсотни футов.

– Первый ремесленник, – заметил Дик. – Обязательно сходи посмотреть тот фонарь, что он держит в руках, – это часы, работающие вечно.

– В каком смысле вечно? – удивился я. – Даже самые неэнергоемкие вещи нужно изредка подзаряжать. Это знает любой.

Дик хмыкнул.

– Никто не знает этого секрета, но часы никто не заряжал вот уже пару сотен лет, с тех пор как статую из центра города переместили к нам в квартал.

Я, конечно же, ему не поверил. Насколько хватало моих куцых знаний, почерпнутых в разговорах с ребятами и торговцами, – все механизмы, работающие на эссенции душ, рано или поздно требовали подзарядки, а уж энергозатратные механизмы вроде тех же пароциклов нуждались в зарядке минимум раз в месяц, и это не говоря уже про паровозы и корабли.

– Приехали. – Дик прервал мои размышления и остановил пароцикл. Тот противно и громко скрипнул тормозами возле дома, несильно выделявшегося из общей застройки квартала. Может быть, он был выше на этаж, а в остальном являлся точной копией землисто-серых зданий вокруг.

– Прошу вас. – Дверь с моей стороны открылась, и надо мной снова открыли зонт. В этот раз это был старик, одетый в темный костюм с белоснежной сорочкой, которая стала сразу темнеть от влаги.

– Спасибо. – Я постарался быстрее зайти в дом, чтобы не подставлять под ливень старика в его безупречной одежде и Дика, который нес мои скромные пожитки.

Я почему-то думал, что отец встретит меня после долгой разлуки. Последний раз я его видел семь лет назад, когда он приезжал проверять сыновей на способности ремесленника. Меня ожидало разочарование – отец не вышел. Дик передал старику мои вещи и заторопился по другим делам. Я тепло попрощался со своим провожатым и под ворчание старика припустил за ним следом. Честно говоря, я его немного побаивался, поэтому решил не заговаривать с ним первым.

Коридор, по которому мы шли, освещался тусклым светом газовых светильников, пламя внутри плафонов едва тлело.

– Донна, Ирма. – Голос старика вернул меня в реальность. Мы оказались в ослепительно-светлом холле, в котором было так жарко, что я сразу почувствовал капельки пота по всей спине. Я ускорил шаг и увидел, к кому он обращался. Две девушки, стоявшие справа от входа, были чуть старше меня и такие красивые, что у меня захватило дух. Черная форма с белыми передниками и белыми же чепчиками притягивала к себе мой восхищенный взгляд, а ножки, затянутые в белые чулки, надолго останутся в моей памяти.

– Приготовьте ванну и переоденьте молодого господина в чистое, – приказал старик не терпящим возражения тоном. – Хозяин хочет его видеть через два часа, когда уйдет мастер Грюм.

– Слушаемся, мистер Паркинс, – прощепетали они и, стреляя в меня заинтересованными взглядами, повели на второй этаж.

Ванна восхитила меня. Гигантское чугунное корыто, в которое я поместился целиком и даже вытянулся во всю длину, уйдя под воду по самый нос, чтобы согреться, было произведением искусства. Помимо его размера поражало наличие двух массивных кранов с горячей и холодной водой. Девушки показали мне, как открывать и закрывать их. Такую роскошь в нашем захолустье мог себе позволить, наверное, только сэр Откинс, управляющий императора. Я слышал разговоры о подобных вещах, но, как и все мальчишки, считал это просто сказками – кто будет тратить столько энергии, чтобы подогреть воду!

Но вот тут, сидя и греясь в горячей воде, я начинал понимать, что к этому можно быстро привыкнуть. Я толком не знал, зачем отец вызвал меня к себе, но мама сказала, что каждые семь лет отец приезжает, чтобы выбрать сына, который поедет к нему на обучение. Один из моих братьев вернулся и открыл пункт обмена. Второй жил где-то в столице. Судьба же остальных, что оказались не способны к ремеслу и устроились кто как мог в нашем городе, была незавидна – отец лишил их всяческих способов поддержки, заботясь последние три года только о матери и обо мне. Поэтому, когда у меня обнаружили талант, я был на седьмом небе от счастья. Я был младшим в семье, да и мама была не в том возрасте, чтобы рожать еще, и я боялся, что вскоре отец забудет и про нее, а вот если я стану ремесленником, то смогу помогать ей сам. Ведь как говорили все вокруг, если стал ремесленником, то обеспечил себя и свою семью на всю оставшуюся жизнь.

Я не думал о дальнейших планах, но одно знал точно: моей самой заветной мечтой было заработать столько денег, чтобы мама и дедушка никогда больше не считали их, распределяя расходы до пенни на месяц вперед. Несмотря на получаемые от отца ежемесячные переводы, жили мы более чем скромно, хотя и лучше, чем большинство наших соседей, поэтому если отец лишит нас довольствия, то у мамы и дедушки будут большие проблемы.

– Молодой господин... – Дверь чуть приоткрылась, а я от испуга ушел ниже под воду. Девушка, увидев мой трюк, тихо прыснула в кулачок и, стараясь казаться взрослой, продолжила серьезным тоном: – Ваша одежда на стуле рядом с выходом, полотенце около ванны, поторопитесь, пожалуйста, ваш отец очень не любит опозданий.

От ее слов я едва не выпрыгнул как ошпаренный, но вовремя опомнился: еще не хватало оказаться перед ней голым. Поэтому я поблагодарил ее и, дождавшись, когда она закроет за собой дверь, с сожалением выбрался из еще теплой ванны и закутался в большое толстое поло-

тенце. В отличие от нашего холодного и продуваемого ветрами дома тут было тепло, я даже мог позволить себе ходить в одном полотенце, обернутом вокруг бедер.

Второпях я надевал сухое белье и немного великоватый костюм на еще мокрое тело, но девушка была права: отец никогда не отличался терпением. Служанка ждала меня и, торопливо кинув взгляд на висящие на стене круглые часы, устремила в глубь дома. Я поспешил за ней, стараясь не отстать, – хорошо, что газовые фонари хоть частично, но освещали путь. Тонкие медные трубки были проведены по всему дому, и я видел, как они, извиваясь словно змеи, пронизывали его вдоль и поперек.

Вскоре мы подошли к большим деревянным дверям, таким массивным и тяжелым на вид, что я удивился, как их вообще открывают. Девушка потянула за ручку, и я тут же получил ответ на свой незаданный вопрос. Внутри стены зашелестели шестеренки, а противовесы, мастерски замаскированные под косяки, поползли вверх, и раздался мелодичный звон, когда они коснулись ограничителей.

– Проходите, господин Рэджинальд, – пискнула девушка.

Едва я вошел, двери за мной плавно закрылись, отрезая мне выход в коридор.

Я огляделся. Кабинет был огромен и больше всего походил на совмещенную с библиотекой мастерскую. Книжные стеллажи занимали целиком всю стену, начинаясь от пола и заканчиваясь под потолком. Передвижная лестница с отцом на ней стояла сейчас напротив стола. Я не успел осмотреть ремесленные столы с колбами и ретортами, как он оглянулся и посмотрел на меня. Сухой и резкий голос был именно таким, каким я его помнил, когда отец навещал нас в последний раз.

– Сядь на стул и ничего не трогай, я сейчас спущусь.

Я послушно подошел к столу и опустил на краешек стула. Я прекрасно помнил напутствия мамы, которая говорила ни в коем случае с ним не спорить. Те разы, что отец приезжал к нам, чтобы забрать кого-то из братьев, всегда сопровождались некрасивыми скандалами и сценами. В этот раз, правда, было исключение: он, как обычно, взял кровь на анализ и удивленно хмыкнул, когда шесть колб, в которые он поочередно капал мою кровь, становились зелеными. Насколько я помнил, у Стивана подкрасились только три из них.

Может быть, поэтому, а может быть, из-за своего отца, который недавно переехал к нам, в тот раз он вел себя относительно тихо и, напиваясь вечерами, не выходил выяснять отношения. Да и денег оставил в три раза больше, договорившись с мамой и бабушкой, что я выеду к нему на год раньше, чем положено. Меня эти неясности только запутывали и рождали в голове множество вопросов, но все они упирались в твердую и высокую стену без ответов. Дедушка объяснил, что я не должен знать, что ждет меня дальше. Главный и единственный экзамен, который сдают при поступлении в цех ремесленников, – абсолютное и полное незнание предмета, что позволяет оценить силу принимаемого студиязуса.

– Рэджинальд! – окрик отца выдернул меня из воспоминаний, заставив собраться.

– Да, отец? – Я посмотрел на него. Он ничуть не изменился с момента нашей последней встречи: крепкий, практически квадратный из-за малого роста и невероятно широких плеч и больших рук, он казался вырезанным из камня. В нем все было рубленое, начиная от лица и волевого подбородка, словно сделанных из одного цельного куска гранита, и заканчивая телом, когда два куска камня поместили друг на друга да так и оставили.

– С сегодняшнего дня я для тебя сэр Грюнальд, и никак иначе, – отрезал он, подходя к столу и кряхтя опускаясь на стул. Открыв один из ящиков стола, он достал металлическую флягу и, приложившись к ней, сделал большой глоток, довольно крякнув. Положив ее обратно, он продолжил разговор: – Слушаешь, что я говорю, делаешь, что я тебе велю, и мы поладим – это понятно?

– Да, сэр Грюнальд. – Я не мог смотреть прямо в его мутноватые глаза и опустил взор, еще больше съежившись на краю стула.

– Завтра в шесть часов у тебя экзамен, не подведи меня. – Видимо, удовлетворенный моим смирением, он расслабленно откинулся на стуле. – Дик проводит тебя в колледж. Жить будешь либо в общежитии, либо в одном из домов, которые есть на его территории, – мне все равно. Содержание будешь получать пять крон в неделю и ни пенни больше. За отличное окончание года получишь гинею. Все понятно?

– Да, сэр Грюнальд. – Я не понял ровным счетом ничего из его слов, но решил все выяснять по ходу, лишь бы скорее уйти отсюда.

– Что-то ты больно покладист. – Он подозрительно прищурился, вставая из-за стола. – Неужели эта сучка нагуляла от кого-то? Хотя результаты тестов...

Он подошел ко мне и больно схватил своей шершавой и крепкой рукой мой подбородок, с силой поднял лицо к себе, заставляя взглянуть на него. В нос мне тут же ударили запахи перегара, чеснока и лука.

– На меня смотри, выродок! – рявкнул он.

Я через силу посмотрел ему в глаза. Он повертел моим лицом, крепко держа за подбородок, и, наконец, удовлетворенный осмотром, отпустил меня.

– Твое счастье – на меня похож, – проворчал он и легким жестом руки показал мне на дверь: – Свободен.

Я осторожно поднялся и, стараясь быть незаметным, направился к двери.

– Да, и последнее, – догнал меня его грозный голос, заставив вздрогнуть и повернуться. Он опять прикладывался к фляжке. – Только попробуй плохо учиться! Ты у меня сразу пожалеешь, что на свет родился!

Я кивнул и быстро пошел к двери, стараясь не перейти на бег. Этот человек меня пугал, и я никак не мог понять маму и дедушку, что пресмыкались перед ним и позволяли делать все, что он хочет. Он не жил с нами и уж точно не стоил того, чтобы во время своих редких приездов о нем кто-то заботился и ждал. К сожалению, никто не хотел рассказывать мне ничего, связанного с профессией ремесленника, поэтому пришлось смириться и ждать, что будет дальше.

Хотя этими вопросами я стал задаваться совсем недавно, после его последнего приезда, когда стало понятно, что мое детство кончилось и вскоре я уеду из родного дома. Раньше мне было просто не до них, ведь я рос счастливым ребенком. Своей ватагой мы дни напролет проводили на улице, играя и веселясь вволю. Мы облазили все окрестности и знали все пещеры и заброшенные здания в округе, а уж количество разоренных садов и огородов не поддавалось исчислению. К тому же наши вылазки не всегда были просто развлечением и детским любопытством – мы искали части древних механизмов и иногда находили их в тех пещерах и катакомбах, куда до нас не добрались другие мальчишки. К ним мы прикладывали свои ладони, и те из них, что начинали работать, мы продавали торговцам, неплохо зарабатывая при этом и поровну деля между собой полученную выручку. У меня лучше всех получалось замечать вещи и предметы, скрытые среди древних развалин, но из-за слабого тела я не стал вожаком, уступив это место Креббу. Ведь в своих поисках мы постоянно натывались на другие ватаги, делавшие то же самое, и каждая третья встреча заканчивалась потасовкой, в которой кулаки Кребба играли значительно большую роль, чем мое искусство поиска. Но я особо и не переживал по этому поводу, деньги все равно делились поровну. Это был единственный способ заработка, ведь родители запрещали нам брать пустые монеты и рассчитывать в лавках как взрослые.

Выйдя от отца, я порадовался, что он разрешил переночевать в его доме. Дворецкий приказал служанкам отвести меня в гостевую комнату и там же подать ужин. Увидев дымящуюся кашу с большим куском мяса, я понял, что очень голоден, и набросился на еду, съев все за несколько минут. После этого разделся и, аккуратно сложив одежду, лег на кровать. До разго-

вора с отцом я был очень уставшим, и казалось, сразу же усну, но его слова никак не выходили у меня из головы, и я ворочался с боку на бок.

– Ты слышала? – Тихий женский голос за моей дверью скинул с меня дрему, заставив прислушаться к разговору.

– Да, конечно, весь город только об этом и говорит. – Я узнал второй голос, принадлежащий Ирме, девушке, смутившей меня в ванной.

– В этот раз тоже не нашли тела бедняжки, только куколку. К ногам, обрубленным выше колен, тонкими спицами прикреплены руки, в которых лежала ее голова. Дон сказал, что видел это своими глазами, хотя полицейские не пропускали никого!

– Господи, какие ужасы ты на ночь рассказываешь! – Это была, по-видимому, Донна, шептавшая слова молитвы.

– Это еще не все, представь. Дон еще сказал, что ее кишки были уложены спиралью вокруг, и все это возле торгового дома братьев Фестраль!

– Ирма! Прекрати, ты меня пугаешь, – испуганно зашикала на подругу Донна, – ты не должна знать таких подробностей.

– Трусиха, – тихо рассмеялась ее собеседница. – Как бы я хотела увидеть творение Кукольника своими глазами. Жаль, убийства происходят не рядом с нашим кварталом.

– Ирма! Прекрати даже думать об этом, – зашептала Донна. – Я каждый вечер молюсь, чтобы беда нас миновала.

– Да не волнуйся ты, он убивает не девственниц, тебе ведь это не грозит, так?!

– Ирма! – Судя по шикающим и шипящим звукам, Донна требовала, чтобы подруга не афишировала ее статус так громко, и вообще это не ее дело.

Голоса девушек стали отдаляться, а я испуганно заворочался в постели, сон как рукой сняло, – я и представить себе не мог, что тут происходят такие ужасы. Я промучился два часа, но усталость взяла свое, и я смог наконец заснуть.

Глава 1

Новая жизнь

– Мистер Рэджинальд! Мистер Рэджинальд! – спросонья услышал я и попытался спрятаться под одеяло от зовущего голоса, но одеяло слетело с меня. Я испуганно открыл глаза и сонно заморгал.

Испуганная Ирма и Дик стояли возле моей кровати, и горничная судорожно пыталась меня дозваться. Управляющий коренным образом решил проблему моей побудки.

– Мистер Рэджинальд. – Дик тоже выглядел встревоженным. – Нужно срочно собираться, иначе мы опоздаем на экзамен!

Я понял, о чем они говорят, и сразу же вскочил с кровати. Бестолковые метания по комнате были пресечены Диком. Он заявил, что мои вещи можно привезти и потом, а сейчас важно вовремя прибыть в колледж. Мы с ним пулей выбежали из здания, сели в заведенный и подготовленный пароцикл и помчались по кварталу. Хорошо, что на улицах было мало народа. Пугая одиноких пешеходов звуками визгливого клаксона, мы быстро двигались куда-то на север.

– Фух, успели. – Когда мы прибыли на место, Дик, вытирая рукавом пот со лба, успокаивающе мне подмигнул. – Проходи внутрь и ничего не бойся. Привезу твои вещи через пару часов, так что никуда не уходи.

Судорожно кивнув ему, я огляделся, прежде чем зайти внутрь арки с большими воротами, которая была единственным входом, а влево и вправо от нее тянулся высокий глухой забор. Я видел, когда мы подъезжали, что здание находится практически на пустыре. До ближайших домов было не меньше пятисот ярдов, и складывалось впечатление, что этот комплекс просто вынесли за черту квартала, словно опасаясь чего-то. Еще раз оглянувшись, я заметил вдали шпили зданий центра квартала.

– Входишь или так и будешь стоять словно статуя?

Раздавшийся рядом скрипучий голос заставил меня подпрыгнуть от испуга. Только потом я увидел, как в арке появился старик, затянутый в серый костюм, и, недовольно хмурясь, жестом велел мне подойти к нему.

– Мистер Рэджинальд? – Прежде чем спросить, он взглянул в мое лицо, а увидев мой утвердительный кивок, лишь довольно хмыкнул и показал рукой на вход: – Вы последний, проходите быстрее.

Ворота скрипнули и плотно закрылись за мной, словно отрезая путь к прошлой беззаботной жизни. Я был в полном недоумении и прострации. Сначала долгая поездка и великолепное обслуживание в доме отца, потом холодный прием и какие-то непонятные требования. Теперь же мне не дали выспаться, а просто притащили неизвестно куда, и неизвестно что придется делать. Единственное, что я помнил отлично, – это необходимость хорошо учиться, иначе меня накажут. Уцепившись за эту мысль, я направился по мощенной камнем узкой дорожке к двухэтажному зданию, которое скрывалось в тени деревьев. Странное ощущение охватило меня: только что я был в темном и подавляющем меня своими высокими строениями городе, как внезапно переместился в уютный сад, где несколько однотипных одноэтажных домов окружали главное здание.

Тянуться к ручке двери мне не пришлось: двери мягко раздвинулись в стороны, уходя влево и вправо на хорошо смазанных направляющих. Я начинал привыкать к тому, что в столице есть множество высокотехнологичных вещей и устройств, которых нет в нашем захолустье. Комната, куда я попал, была маленькой, не больше сорока футов в длину и столько же в

ширину, но целиком набитой подростками. Внутри было настолько тесно и жарко, что я хотел оставить двери открытыми, но они закрылись с той же скоростью, что и открылись. На меня лишь зыркнули десятки глаз, но никто не проронил ни слова, все смотрели только в одном направлении – туда, где над дверью в другой стороне помещения сейчас горела красная лампа. Причину такого сосредоточения на ней я понял пару минут спустя, когда она стала зеленой и невидимый для меня человек выкрикнул фамилию. Услышав ее, один из подростков встал и, вжимая голову в плечи, зашаркал к двери. Лампа снова стала красной.

С каждым следующим вызываемым в комнате становилось свободнее и прохладнее, и если вначале мне пришлось стоять, поскольку все места были заняты либо девицами, либо крепкими подростками, которые дерзко посматривали на окружающих, то уже через час я мог свободно сесть. В нашу комнату никто не возвращался – видимо, выход имелся и в той комнате, куда все уходили.

Еще через полчаса в комнате остался я один. Долгое ожидание начало нервировать меня, и колени ощутимо потряхивало.

– Рэджинальд ван Дир! – Голос вызывающего заставил меня подпрыгнуть и засеменить к двери.

Нетвердой походкой, чтобы скрыть дрожание ног, я зашел в кабинет. Передо мной оказался стол с сидящими за ним пятью людьми. На темной столешнице стояла только зеленая пирамида размером с кулак, и больше ничего.

– Сын сэра Грюнальда? – поинтересовался у меня один из них, на секунду посмотрев свои бумаги и потом обратившись ко мне.

– Да, сэр. – В горле пересохло от волнения, но я смог протолкнуть нужные слова наружу.

– Что тебе известно о ремесленниках?

– Нужная профессия, служит для работы различных механизмов, мой отец и братья – ремесленники. Вот, пожалуй, и все.

– Ты знаешь, что если солжешь нам, то чистых результатов не получишь и можешь вылететь отсюда? – спросил меня неприятного вида старик, сидящий с правого края стола.

– Да, сэр. Мне об этом говорят с детства.

– Хорошо, тогда подойди и возьми пирамиду в руки, затем сожми и посмотри на нее.

Я выполнил все, что от меня требовалось. Каменная на ощупь, она охладила мне руки и чуть сбавила волнение.

– Ну же! – прикрикнул на меня старик. – Делай!

Я непонимающе уставился сначала на пирамиду, затем на него.

– Что делать, сэр?

– Смотри на пирамиду, вглубь смотри, бестолочь!

Я еще больше заволновался, но как ни пытался смотреть вглубь, ничего не происходило. Пирамида оставалась неизменной.

– Зачем ван Дир его притащил? – возмутился все тот же противный старикашка. – По последнему видно же было, что его кровь вырождается. Теперь вообще бесталанного пропихивает в цех!

– Сэр Ньюрвик, спокойнее, анализ крови показывает максимум содержания аниловатрилина. Это подделать невозможно.

– Вы точно, мистер Рэджинальд, не знаете ничего о ремесле? – спокойным тоном поинтересовался седовласый человек, сидящий во главе стола.

– Да, сэр! Я уверен в этом! – Пирамида выскользнула из моих внезапно вспотевших ладоней и упала на пол. Я судорожно наклонился, чтобы поднять ее. Сердце в груди бухало так, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди.

– Мистер Траст, принесите, пожалуйста, из моего кабинета *тот* нож, – обратился он к привратнику.

– Сэр ван Рональд! – воскликнули двое из комиссии. – Вы в своем уме? Он же ребенок!

– Я думаю, нам нужно принять решение, брать его в цех или нет, – спокойно ответил седобородый, – а если наш артефакт не может этого сделать, то остается последний вариант проверки.

Они продолжали спорить, совершенно не считаясь с моим присутствием, а я старался успокоиться и не обращать внимания на прозвучавшее слово «нож».

Привратник вернулся, неся стеклянную колбу с лежащим в ней куском камня, только отдаленно напоминающим по форме нож. Сэр ван Рональд поднялся со своего места, подошел ко мне и, забрав у меня пирамиду, повернулся к своему слуге. Поставив колбу на стол и обмотав тканью своего длиннополого одеяния, он разбил ее пирамидой, аккуратно стряхнул осколки и подошел с ножом ко мне.

– Руку, юноша, – спокойно произнес он. От безысходности и переживаний, что меня могут не взять, я просто протянул ему руку. Пусть даже он ее отрежет... Как возвращаться к отцу, если меня не возьмут, я себе не представлял.

Тупой на вид каменный нож легко рассек кожу, закапала кровь. Я посмотрел на оружие, которое седовласый расположил так, чтобы кровь попадала на него. Сначала ничего не происходило, но внезапно каждая капля стала вызывать внутри его свечение, и чем больше крови на него попадало, тем сильнее он светился.

– Думаю, вопросов к мальчику больше нет? – Сэр ван Рональд довольно улыбнулся и повернулся к комиссии, которая так же, как и я, заворуженно смотрела на светящийся в его руке артефакт. – Мистер Рэджинальд ван Дир, – обратился он ко мне, убедившись, что ни у кого нет возражений, – вы зачислены. Пройдите в комнату к остальным поступившим, мистер Траст все вам объяснит. Поздравляю!

– Спасибо, сэр, – поблагодарил я его и, взяв протянутую привратником ткань, наскоро перехватил рану, собираясь заняться ею позже и подальше от этих странных людей. Выйдя из комнаты, я только услышал, как между ними разгорелся спор, и последними словами противного старикашки были:

– Раньше она не допускала ошибок! – Разговор явно шел о пирамиде.

В комнате находилось всего пять человек – три девушки и два парня, – слишком мало по сравнению с той толпой, которая присутствовала в комнате ожидания. Видимо, отсеб был действительно серьезным. Я удостоился более внимательных взглядов, чем в первый раз, поэтому посчитал нужным представиться.

– Добрый день, меня зовут Рэджинальд ван Дир.

Две девушки и парень тоже представились, а остальные даже не повернулись в мою сторону.

– Так, господа, я – мистер Траст, – прервал наше знакомство вошедший в комнату привратник. – Идите за мной и внимательно все запоминайте, повторять не буду.

Он повел нас на улицу, на ходу выдавая информацию.

– Теперь вы студенты нашего цеха. Жить и учиться будете тут. Цех оплачивает ваше обучение. У нас есть общежитие и индивидуальные домики. Если хотите занять домик – доплачиваете за проживание. Завтрак в шесть утра, обед в час, ужин в восемь, если опоздали, останетесь голодными. Занятия начнутся завтра в семь утра: первый раз я вас встречу у входа в общежитие и проведу к учебным корпусам. Опоздавшие не допускаются до занятий. Десять опозданий в год, и вы исключены. Деньги за обучение будут затребованы с ваших семей. Постельные принадлежности и все нужное для учебы вы получите за счет цеха.

– Можно вопрос? – перебила его девушка, которая выделялась среди остальных своей одеждой, прической и манерой речи.

– Минус балл по сумме экзаменов, Матильда дер Гранд, – сразу же отреагировал он. – Наберете еще девять и не перейдете на следующий курс.

Она тут же закрыла рот, а все остальные притихли. Про систему штрафов нам никто не говорил, а проверять ее на себе совершенно не хотелось.

Привратник наконец привел нас к длинному деревянному зданию, в окнах которого был виден свет.

Мистер Траст толкнул дверь и вошел внутрь. Мы сгрудились и поспешили за ним, и почти сразу я услышал, как гомон голосов внутри затих.

– Мистер дер Вайнц, мисс ван Ленд, – позвал он.

Сначала я услышал топот башмаков, и только потом перед нами появился взлохмаченный огненно-рыжий парень примерно двадцати лет, запахивающий сюртук и старающийся вытянуться перед привратником. Нам пришлось подождать еще немного, пока к нам быстрым шагом, но не сильно торопясь, подошла еще и девушка. Миниатюрная брюнетка в пышном платье светло-голубого цвета. Я таких и не видел у себя в городе. Ее голубые глаза, осматрившие всех и на секунду задержавшиеся на мне, заставили мое сердце биться сильнее и смутиться – я не привык к вниманию таких красивых леди.

– Господа и леди, принимайте новеньких, – обратился к ним мистер Траст. – Разведите их, пожалуйста, по комнатам и покажите тут все. Утром я их встречу.

– Да, мистер Траст, – ответил парень.

Привратник, прежде чем уйти, обернулся к нам.

– Думаю, не нужно напоминать, что вас ждет, если выслушаетесь своих наставников?

Вся наша группа, помня недавний урок с Матильдой, молча закивала головами, боясь произнести и слово.

Когда он ушел, наши провожатые выдохнули и улыбнулись нам.

– Дэрик, как обычно? – Девушка сморщила носик, глядя на нас. – Не хочу якшаться с простолюдинами.

– Для тебя, Элиза, все, что угодно. – Парень поклонился ей и, тыкая пальцем в меня и парня с девушкой, одетых хуже остальных, сказал: – Следуйте за мной.

Мы переглянулись, но вопросов задавать не стали. Мне был непонятен такой выбор, ведь Дэрик явно выбрал двух детей простолюдинов, но ведь я был сыном аристократа.

«Хотя, – я оглядел себя и тех, кто остался с мисс ван Ленд, – они одеты явно дороже и лучше, чем я».

Я сначала хотел сказать парню, что он ошибся, но, вспомнив слова мистера Траста, решил лучше промолчать – не хватало еще, чтобы меня выгнали из-за непослушания наставнику.

Он вывел нас из здания и привел в небольшой одноэтажный дом напротив. У входа он зажег газовый фонарь, и я увидел, как по всему коридору стали зажигаться огоньки.

– Дом поделен на две половины. – Дэрик повел нас за собой, объясняя по ходу: – Одна половина для девушек, вторая для юношей. Соответственно, ванная и туалеты разные. Недавно выпустился пятый курс, так что дом освободился – вам повезло. К тому же вас в этом году мало, так что каждому достанется по личной комнате.

Он открыл одну из дверей и пропустил вперед Эмми – так представилась мне девушка ранее – и отдал ей ключ.

– Устраивайся, ванная налево, туалет направо. Твою одежду привезут завтра. Письма о зачислении уже отправили родителям пневмопочтой.

– Мне страшно тут одной, – слабым голосом остановила нас девушка, выглянув из своей комнаты, когда мы собрались уходить.

Он засмеялся.

– Привыкайте, мисс, здесь вы надолго, если продержитесь на обучении.

Оставив девушку, он открыл дверь посередине дома и повел нас дальше, показывая две комнаты: одна напротив другой.

– Это ваши комнаты, ребята. Выход на улицу есть еще и с этой стороны, просто я решил показать вам весь дом.

Мы переглянулись между собой и пошли в ту сторону, которую выбрали.

– Да, парни, – внезапно остановил он нас, – я если увижу вас на женской стороне или кто-то из девушек на вас пожалуется, пеняйте на себя.

Мы замотали головами, показывая, что «ни за что и никогда».

Он отдал нам ключи и, подмигнув напоследок, тихо сказал:

– Продержитесь три года, и кое-какие правила насчет девушек можно будет нарушать, если вы понимаете, о чем я.

Я в недоумении пожал плечами, а второй парень покраснел и быстро ретировался в свою комнату.

– Святая простота, – посмеялся надо мной Дэрик и, посвистывая, пошел к выходу.

Я постарался быстрее зайти в комнату и, закрыв ее на ключ, впервые за день присел, перевел дух и осмотрелся.

Комната была не очень большой, но больше того закутка, который был мне выделен дома. Узкая кровать, стол с газовой лампой над ним, два стула, гардероб и вместительный сундук – вот, пожалуй, и все, что в ней было примечательного. Я подумал о том, что неплохо было бы умыться перед сном, поэтому разделся до кальсон и, осторожно выглянув из комнаты, направился в сторону двери, на которой висела медная табличка с изображением ванны.

– О, чудеса! – воскликнул я, увидев и тут два заветных латунных крана. Я думал, что такое бывает только в домах богатых людей, а тут обычным студентам была выделена такая же роскошь. Быстро умывшись, я пожалел, что не положил в карман свои туалетные принадлежности: хотя бы зубной порошок и щетку. Для обтирания тут же висели четыре полотенца. Захотелось взять одно в комнату, но я передумал – решат еще, что я вор.

Вернувшись в комнату и расстелив постель, я понял, что в комнате нет такой важной вещи, как часы.

– Как же я встану завтра вовремя?! – испугался я. – Лучше тогда лягу пораньше – раньше и проснусь. Хотя по-хорошему надо было сходить и познакомиться со своим соседом.

Решив, что проснуться завтра вовремя важнее налаживания отношений, я лег в кровать, и когда двадцать минут спустя кто-то робко постучался в дверь, я не стал вставать, а замер и притворился спящим. Стук больше не повторялся, поэтому я смог быстро уснуть.

Напрасно я волновался о пробудке, поскольку даже сквозь сон услышал, как громко и ясно где-то рядом забил колокол.

– Дин! Дон!

Его было так хорошо слышно, что я испуганно вскочил и стремглав побежал в ванную, стараясь успеть умыться и одеться, чтобы быть готовым к походу в колледж. В дверях я столкнулся со вторым парнем и протянул ему руку, здороваясь.

– Рэджинальд, можно просто Рэдж.

– Приятно познакомиться, – дружелюбно улыбнулся он. – Роберт. Я едва не проспал, хорошо, что есть колокол.

– Это точно, – согласился я, и мы, по очереди сделав все дела, быстро оделись и вышли из дома.

К нашему удивлению, мы были одни, только густой туман напал на дома, и не было видно ничего дальше десяти шагов.

– Может, нужно ждать с другой стороны дома? – испуганно предположил Роберт.

– Давай, ты пойдешь туда, а я подожду тут, – предложил я. – Если явится наставник, я скажу, что ты пошел ждать там.

– Отличная мысль! – обрадовался он. – Только дождись меня обязательно!

– Конечно!

Стоять одному в густом тумане было страшновато, но выбора не было: я боялся, что если зайду в дом или пойду за Робертом, то наставник, явившись за нами и не найдя никого, уйдет. Время шло, а никого так и не было, я уже отчаялся и собирался пойти за ним, как вдруг увидел, что он, девушка и Дэрик дер Вайнц направляются ко мне.

Вскрикнув от радости, я побежал навстречу.

– Оказывается, колокол будит всех за час до прихода наставника, – радостно сообщил мне Роберт, когда я поздоровался со всеми.

– Да, я как-то забыл об этом сказать. – Дэрик весело мне подмигнул. – Ну что, завтракать и на учебу?

Мы согласно кивнули.

– Запоминайте дорогу, завтра пойдете сами, – напомнил он второй раз, когда мы подошли к зданию, где были вчера. Я узнал очертания длинного дома и дверь с медной табличкой «21б». Едва мы подошли, как рядом из тумана вышли незнакомые нам парни и, раскланявшись с нашим провожатым, скрылись внутри.

– Подождем Элизу. – Дэрик не стал заходить внутрь и сразу же поправился: – Для вас – мисс ван Ленд.

Ждали мы недолго, и уже через пять минут девушка в сопровождении двух спутниц и парня подошли к нам.

– Мисс Элиза. – Дэрик прикоснулся двумя пальцами к полям своего цилиндра.

– Дэрик, хватит. – Она недовольно посмотрела на него. – Давай быстрее. Пусть поедят и отведем их на занятия. У меня своих дел полно.

Мы зашли внутрь и увидели, что зал, в котором стояли два длинных стола со скамьями, по обе стороны частично заполнен студентами обоих полов.

– Так, вы, – Элиза обратилась к своим подопечным, – получаете еду вон там. – Она показала рукой на окошко в углу комнаты. – И садитесь за этот стол. Ну а вы, – она посмотрела на нас, – за другой.

– Еда общая, но простолюдины сидят отдельно, – добавил Дэрик.

Я открыл рот, чтобы сказать ему, что я не простолудин, но мисс Элиза строго на меня посмотрела, и я осекся.

Получив поднос со вкусно пахнущей едой, я направился с Робертом и Эмми за их стол, и мы сели одной кучкой. Нужно отметить, что людей вокруг было не так уж и много, поэтому места хватало с избытком.

– Обожаю бекон! – Роберт накинута сначала на него и только потом на хлеб с маслом и яйца с кашей. Он не пользовался ножом и брал вилкой то с одного блюда, то с другого.

Девушка скромно отрезала маленькие кусочки и ела, понемногу набирая в ложку. Я решил вспомнить о манерах, которым обучала меня мама, и тоже стал есть понемногу.

– Поели? – Мы допивали чай, когда рядом появился наш провожатый. – Поторопимся, мне еще за учебниками для вас нужно будет зайти.

Мы подскочили с мест, быстро отнесли пустые подносы и пошли за ним. Он показывал тропинку, по которой шли и другие студенты в направлении двухэтажного здания, где еще вчера мы сдавали экзамен.

Проведя нас через знакомую комнату, он завел нас в кабинет с табличкой «1а».

– Вот, в общем-то, и все, – заключил он, когда мы расселись в двух разных половинах зала. – Если будут вопросы, подходите. Вечером я зайду, проведу вас, и так будет в течение всего первого года, в остальное время вы предоставлены сами себе, наслаждайтесь.

При этом он как-то странно усмехнулся, словно в его словах была какая-то шутка, но почти сразу вышел, не давая даже задать вопросы.

Мы сидели и молчали, когда снова раздался звон колокола, только в этот раз он звонил шесть раз вместо трех, как утром. На шестой удар в класс вошел тот старик, что сомневался во мне на экзамене. Он мне тогда еще сразу не понравился. Крючковатый нос и большая залысина, показавшаяся на свет, когда он снял цилиндр и поставил его на стол. Оглядев помещение, он удивленно спросил, обращаясь ко мне:

– Мистер ван Дир, почему вы не на своей половине?

Тут настала пора удивляться всем вокруг. Мои новообетенные друзья посмотрели на меня и отодвинулись, словно стена упала между нами.

– Простите, сэр, так вышло. – Смущаясь и извиняясь, я встал и прошел на половину аристократии, которая не очень-то была рада меня видеть после того, как я побывал на стороне простых людей.

– Хорошо, теперь давайте знакомиться. Меня зовут сэр Энтони Ньюрвик, и вам, наверное, интересно, почему человек без приставки «дер» или «ван» является аристократом.

Все внимательно смотрели на него, особенно та часть класса, которая являлась простолюдинами, да и мне это тоже было интересно.

– Именно поэтому в нашем колледже учатся, как вы заметили, представители всех сословий, без различий. – Он прошелся вдоль стола и подошел к половине, где сидели Роберт с Эмми. – Если вы закончите учебу и прослужите в цеху семь лет, отработав потраченные на вашу учебу деньги, то получите звание подмастерья и титул шевалье. Так что есть большой стимул хорошо учиться, поскольку вас приняли именно из-за хороших показателей экзамена. Теперь что касается вас, господа. – Он перешел на нашу сторону. – Вы также вправе после окончания учебы отработать потраченные на вас цехом деньги, если ваши семьи не заплатят выкуп и не заберут на семейное предприятие. Стимул учиться у вас сейчас только один: все семьи подписали обязательство, что ваше поведение в стенах нашего колледжа будет ровно таким, каким его требуют наши правила. Вам не нужно напоминать об этом?

Все промолчали, а я хоть и не видел того обязательства, о котором говорил учитель, все равно не собирался об этом спрашивать.

– Отлично. Если нет вопросов, тогда перейдем к истории. Рассказывать буду всем одинаково, и если кто-то знает больше, может пройти к доске и говорить за меня. – Старик оглядел зал. Конечно, никто и не пикнул. А я представил себе, что же могло быть в подписанном соглашении для аристократии, если сидящих рядом со мной подростков так запугали, что они молчали наравне с простолюдинами.

Учитель подошел к доске, нарисовал контур, похожий на неровно разрезанную грушу, и разделил его на две неравные половины.

– Это наша империя, наша любимая родина Британия, которая, как вы знаете, управляется императором Вильгельмом Первым, а это наши враги, – тут он едва не зашипел, – проклятые республиканцы, которые своим тлетворным влиянием совращают умы людей, и те бегут из империи, думая, что там им будут рады. На самом деле налог на души там вдвое, я подчеркиваю это, вдвое выше, чем у нас, а порог сбора налога снижен до одиннадцати лет. Если бы вы сейчас пошли учиться в колледж республиканцев, то первое, что вас ожидало бы, – это сдача эссенции. Как вы знаете, наш добродетельный император не берет налог с детей и запрещает под угрозой виселицы брать налоги с лиц младше пятнадцати лет и беременных женщин. В Республике таких ограничений нет, и часто бывает, что их дети рождаются мертвыми по причине полностью откачанной души. Их женщины – исчадия порока и жестокости, они беременеют, как крысы, только с одной целью – сдачи душ своих нерожденных детей, так как эссенции из них можно получить больше. Непрестанная война вот уже двадцать лет идет за то, чтобы искоренить это гнездо порока. Но, к сожалению, война выродилась лишь в локальные стычки по всей границе, поскольку, имея меньшие ограничения на налоги, чем мы, республиканцы могут позволить себе строить больше кораблей, дирижаблей, машин и оружия. Совет лордов

предлагал императору снизить возрастной ценз налогооблагаемых граждан до тринадцати лет, но наш милостивый император отказался, сказав, что у детей должно быть детство. Так что вам несказанно повезло, что вы родились, выросли и живете в нашей замечательной стране, – надеюсь, вы оцените это, если господь занесет вас на войну.

Сэр Ньюрвик продолжал урок еще два часа, и для меня все было очень интересно и необычно, поскольку всего этого я не знал.

– И напоследок... – Он сделал передышку и несколько раз прошелся перед рядами. – Сегодня на обеде вы получите жетоны в нашу библиотеку. Те, кто получит жетон с одним отверстием, будут иметь доступ к общей секции, те, кто с двумя, – к секции цеха. Помимо этого ваши наставники принесут вам домашние задания по всем сегодняшним предметам, и к следующему уроку вам нужно быть готовыми к опросу. За каждый ответ вы будете получать баллы. Чем больше наберете, тем лучше закончите год. Соответственно, за неправильные ответы или молчание будете получать минусовые баллы. Наберете минус десять баллов – и мы с вами попрощаемся.

Девушка, сидящая передо мной, подняла руку.

– Да, мисс Матильда?

– А сколько всего отверстий в жетонах, сэр?

– Три, леди. Всего их три, но доступ в третью секцию позволен только пятому курсу или подмастерьям, так что не беспокойтесь, даже доступ во вторую секцию вы получите не скоро.

– Дин! Дон! – Невдалеке громко забил колокол.

– На сегодня урок закончен. – Учитель вернулся за свой стол, взял цилиндр и вышел из кабинета.

Мы остались сидеть в помещении, и я заметил, что на меня пристально смотрит парень слева от меня.

– Ван Дир? – произнес он. – Сын главы цеха?

– Да.

– Чего же ты якшался с простолюдинами?

– Я недавно в городе. – Этот допрос меня чрезвычайно смутил.

Что еще хотел спросить у меня парень, я не узнал, поскольку в класс зашел тот человек, благодаря которому я попал сюда. Только сейчас я лучше рассмотрел его благородные черты лица, волевой подбородок, длинные седые волосы и сухощавое телосложение.

– Добрый день, господа, леди. – Он сел на стул и снял цилиндр, но не положил его на стол, а удержал его в руках. – Меня зовут сэр Пэрри ван Рональд. Я – ваш учитель ремесла и по совместительству директор этого колледжа. Так что, надеюсь, у нас установятся добрые отношения, не только потому что я директор, но и потому что по результатам моих уроков вас будут оценивать как кандидатов на принятие в цех. Неумехи или лодыри не пройдут дальше первого года, я вам это обещаю. У вас есть вопросы ко мне?

Класс молчал.

– Если вопросов нет, тогда я перейду к вводному занятию и приоткрою вам тайну, которую от вас так тщательно скрывали родители и все остальные, чтобы вы смогли успешно поступить.

Тут дверь открылась, и два парня занесли в класс деревянный ящик примерно пяти футов длиной и четырех в ширину и высоту. Они аккуратно поставили его на стол и стали снимать деревянные панели со всех сторон. Вскоре показался прибор, знакомый всем нам, – такие стояли почти в каждом приличном магазине или разменном пункте, может быть, только меньше размером. Несколько колб соединялись между собой шестеренками и поршнями, а небольшая серебряная пластина с рельефной формой ладони с одной стороны была сильно потерта, говоря о том, что ее явно очень часто использовали. Поблагодарив помощников, он обратился к нам:

– Думаю, сэр Ньюрвик рассказал вам о налогах и душах, так вот то, чему мы будем вас учить, – это передавать эссенцию душ от человека в этот прибор и наполнители. И чтобы было проще вам понять, что происходит за черной ширмой в магазинах или обменных пунктах, покажу на своих помощниках.

Один из парней подошел к устройству, достал из кармана пустую монету (внутри ее не было видно зеленоватого свечения), положил на другую сторону устройства, подсоединив к ней медную трубку, и нажал рычаг. Прибор слегка загудел, но шестеренки и поршни остались неподвижны. Директор положил на пластину с отпечатком ладони свою руку, а другой взялся за руку своего помощника: прибор тут же пришел в действие, поршни задвигались, а шестеренки тихо зашелестели, начав перегонять внутри устройства белый дым, который неизвестно откуда там появился.

– Собственно говоря, вот так появляются деньги определенного достоинства, – прокомментировал он, закрыв глаза, – ремесленник должен «потянуть» на себя ровно то количество души, которое он высчитал или договорился с человеком. Вам нужно выступить передаточным звеном между человеком и аниматроном. Поскольку простые люди не могут передавать напрямую свои души, для этого-то нужны мы. Передать энергию души от человека к машине и аккумулировать ее в прибор.

Почти сразу после его слов белый газ внутри колб стал окрашиваться в бледно-зеленый и передаваться из одной колбы в другую, становясь все более насыщенным темно-зеленым. Через секунду он выпустил руку своего помощника, и газ внутри устройства снова стал белым. После этого он выключил устройство и достал монету, которая стала достоинством в десять пенни, или равняться одной кроне. Это было видно по полоскам наполненности монеты, которые сейчас были зелеными до десятой отметки.

Я сидел открыв рот, как, впрочем, и все мои одноклассники. Делать деньги оказалось так просто!

– Вот так деньги приобретают свои свойства, и дальше вы можете подсоединять их к любым устройствам, чтобы зарядить.

Он достал часы из кармашка жилетки и поднес монету к заводному устройству, а затем показал нам, что монета стала достоинством в восемь пенни, потратив на подзарядку его часов две единицы души.

– Вам кажется, что все очень просто, но за этой простотой стоит не одно столетие исследований, научных прорывов и технологий. Чтобы аниматрон приобрел те размеры и качество, что вы видите сейчас, потребовались усилия сотен ученых и инженеров, хотя все началось с одного человека – сэра Уинстона ван Червиваля. Этот ученый еще в юности выделялся среди своих сверстников умом и гениальностью, поэтому, закончив университет в Коссе, он занялся собственными исследованиями, которые и привели его к пониманию человеческой души. Всю информацию о нем и о его работах вы прочитаете сами в качестве домашнего задания, а я продолжу урок с рассказа о настоящем.

Я затаив дух слушал его. Информация, которая была мне прежде недоступна, сейчас лилась полноводной рекой, и я впитывал и впитывал ее, боясь пропустить хоть слово.

– Чем ремесленники отличаются друг от друга, почему одних возносят до небес, а другие вынуждены ковыряться в мастерских, зарабатывая несколько десятков крон в неделю? Все просто – те, кто может передать душу человека, пропустив ее через себя, не подвергнув влиянию собственной, добьются очень многого в нашем обществе. Вы видели, что за пять секунд моего влияния на Генри, – он показал рукой на парня, который ухмыльнулся, – я взял у него одну сотую души. Ему это не повредит, поскольку душа у человека, в зависимости от его возраста, личных качеств и физического состояния, имеет разный объем и со временем регенерирует. На следующем уроке мы с вами начнем изучать таблицу ван Червиваля, где подробно указаны сроки восстановления души человека в зависимости от его общих особенностей. Зна-

ние этих данных наизусть – основа вашего обучения! Если вы ошибетесь и продлите влияние на человека больше положенного – он умрет, и тут уж вы предстанете перед законом не только как никудышный ремесленник, но и как убийца!

Его голос становился все громче, и в конце он едва не кричал, запугав нас до смерти, но внезапно успокоился и продолжил прежним тоном:

– Так вот, возвращаясь к качеству передачи души... Лучше показать это вам наглядно.

В этот раз он вложил свою ладонь в руку парня, а тот включил прибор и положил новую пустую монету и вторую руку на пластину. Даже мне было понятно, что газ, заполняющийся эссенцией души, в устройстве менее насыщен, как на входе в первую колбу, так и в самой последней, маленькой колбе.

– Спасибо, Генри. – Директор подошел и взял монету, которая стала достоинством в три пенни.

Он показал ее нам и улыбнулся.

– Вот этим и отличаются мастера, подмастерья и ученики. Причем, чтобы вы не думали, что мой ученик плох, я скажу вам, что любой из вас, кто сейчас попытается передать душу другого человека, не наполнит монету ни на единицу. Более того, повредит собственную душу. Спасибо, господа. – Он обратился к своим помощникам. – Можете быть свободны.

Парни стали собирать устройство и вскоре покинули класс, а директор продолжил свой рассказ:

– Вы еще не скоро перейдете к контакту с человеческой душой. Вначале будут долгая учеба и тренировки на животных, и только по истечении третьего года, в зависимости, конечно, от ваших способностей, вас допустят к людям.

Он помолчал, а затем посмотрел на наши напряженные, серьезные лица и засмеялся.

– Не переживайте, сегодня у вас всех вводные занятия, поэтому нет даже письменных принадлежностей, а вот с завтрашнего дня наступит настоящая учеба, и тут уж никому не будет спуска, не важно, кто он – сын графа или простого пекаря.

Он посмотрел на свои часы.

– До конца урока есть еще десять минут, я могу ответить на ваши вопросы. Уверен, у вас их масса, поэтому постарайтесь мне понравиться, не задавая откровенно глупых.

Конечно же, первой руку подняла девушка, которая хотела все знать.

– Да, мисс Матильда?

– А люди разве не против, что у них отбирают часть души? Ведь Библия нас учит, что душа – самое ценное, что есть, и она бессмертна!

– У вас целых два вопроса, юная леди. – Он улыбнулся. – Но поскольку они оба хорошие, то вы получаете балл к сумме годового экзамена, а я отвечу на оба. Никто не может насильно забрать у человека ни крохи души. Он должен захотеть, чтобы его душу взяли. Хотя, конечно же, есть и редкие случаи, когда у человека, как бы вы ни старались, нельзя эту душу отнять. И редчайшие случаи, когда ремесленники могут силой отнимать души, но, к счастью, такое действительно необычайно редко, и вам лучше принять за данность, что отнятие у человека души без его согласия – это прямой путь на виселицу. Ну и второй ваш вопрос, мисс, простителен, поскольку вас ограждали от научной информации и пичкали религией. Наука доказала, что душа вовсе не бессмертна и в зависимости от личности человека даже имеет свой вес. Последние исследования на преступниках, которые выбрали вместо казни помощь своим родственникам в виде посмертной сдачи души, говорят о том, что полный вес человеческой души равен примерно десяти-двенадцати гинеем. Опять же, повторюсь, – каждый человек уникален, и прежде чем производить отбор души, особенно в таких больших количествах, нужно, во-первых, иметь соответствующую лицензию, ну а во-вторых, провести подробное анкетирование и расчеты.

– Поэтому обменных пунктов так мало? – поинтересовался с места Роберт.

– За неуважение к учителю с вас, мистер Вариан, минус балл, – невозмутимо ответил директор. – Вопросы нужно задавать, подняв руку и спросив разрешения. Берите пример с мисс дер Гранд.

Парень сразу же побледнел и замолчал.

– Но на ваш вопрос я отвечу. Да, чтобы получить лицензию на обмен душ на деньги, нужно состоять в нашем цехе, иметь звание не ниже подмастерья и получить рекомендацию от трех мастеров ремесла.

Руку поднял мой сосед.

– Да, мистер ван Гор?

– Зачем нас ограничивали в информации о ремесле? – прямолинейно спросил он. – Ведь во всем том, что вы нам сейчас показали и рассказали, нет ничего тайного или сложного.

– Все просто, мистер ван Гор. – Директор сложил руки на груди. – Вы бы просто не поступили сюда, если бы знали больше. Причина этого феномена неизвестна, но влияние на артефакт человека, который знает очень много про души и ремесло, крайне мало, а нам нужно установить и пропустить дальше именно тех, кто покажет в будущем выдающиеся результаты, а для этого артефакт должен показать ваши способности выше средних. Как вы видите, в последнее время таких неинформированных подростков становится все меньше, поэтому те родители, что нарушили основное правило и привели на экзамен детей, которые не смогли даже подсветить пирамиду, уверен, сейчас горько сожалеют об этом.

Руку протянула моя соседка.

– Да, мисс Эмми?

– Как работает аниматрон, сэр?

Директор повеселел.

– Отличный вопрос, мисс, плюс два балла вам.

Девушка покраснела и опустила на место.

– Как я уже сказал ранее, ремесленники выступают проводниками людских душ к машинам. Сами же приборы очень просты, если знать всю теорию сэра Червиваля. Если правильно соотнести все размеры деталей, нужные для точной работы прибора, то можно заказать его практически в любой инженерной мастерской. Но насколько он получится точным и сможет ли передавать душу без искажений, будет зависеть целиком от вас. Этот прибор был сделан по моим чертежам и вносит искажения порядка одной сотой процента, что, уверяю вас, является очень и очень хорошим результатом. Но не переживайте, мисс, полное устройство прибора, а также свой первый его чертеж с воплощением в металле и стекле вам предстоит выполнить в качестве дипломной работы на третьем курсе. Так что не стоит пока забивать себе голову этой информацией, ваша голова еще неоднократно поболит, когда будете осуществлять свой проект.

Руку поднял я.

– Мистер ван Дир?

– Почему налог собирается с людей, сэр, не проще ли разводить и собирать его с животных, ведь все равно их пускают на убой?

Он удивленно посмотрел на меня.

– Отличный вопрос для студента первого курса! С радостью на него отвечу, мистер ван Дир. Тот, кого отчислят из колледжа за неуспеваемость, отправится прямоком на скотобойню и будет работать забойщиком, вытягивая души у животных. Сходите как-нибудь на экскурсию – в нашем квартале есть такая, и ваша успеваемость, уверяю вас, сразу повысится. Что же касается основного вашего вопроса, то полная душа животного в тысячу раз менее энергоемка, чем та малая часть человеческой, что сдается в качестве налога. Так что хоть ими и не пренебрегают, но души животных – не тот ресурс, ради которого стоит их выращивать в огромных количествах.

– Дин! Дон! – прогремел колокол, означающий конец урока.

– До встречи, господа, леди. – Сэр ван Рональд склонил голову в знак уважения и вышел за дверь.

Все молчали, переваривая информацию. Я, как и все, был в полнейшем шоке. Оказывается, так просто – по крайней мере, выглядело со стороны – делались монеты различного достоинства. Ведь если я выучусь на ремесленника, то смогу сам это делать!

«Что значит «если»! – оборвал я сам себя. – Никаких «если». Я *обязательно* выучусь и постигну все науки!»

Заглушенная молчанием родителей и сверстников тяга к знаниям всколыхнулась во мне с большой силой. Я хотел изучать, читать и запоминать все, до чего только дотянусь.

Следующие два урока не были такими же интересными, как два первых, поскольку мы изучали арифметику, чистописание и другие науки, которые, по словам сэра Ричарда, развивали нас всесторонне.

– Без арифметики не бывает ремесленника, – говорил он.

Обед запомнился мне только тем, что я сел за стол аристократов и пожалел об этом. Мои недавние знакомые, Роберт и Эмми, сразу же отделились от меня и стали общаться между собой и с другими ребятами за своим столом, а когда я, мучимый непонятным чувством и нежеланием терять новых друзей, пошел к ним, стало только хуже: они склонили головы и стояли так, пока я не отошел, а когда я вернулся за стол аристократов, все отодвинулись от меня. Хорошо, что начались занятия и я перестал думать об этом. Я не был виноват в том, что меня из-за плохой одежды причислили к простолюдинам и поселили не в тот дом, а теперь получается, что я изгой.

Вечером нас встретил наставник и раздал жетоны. Мы, конечно же, сразу устремились в библиотеку и получили не только кипу огромных блокнотов из желтой бумаги для своих записей, но и все нужные студенту письменные принадлежности. Больше всего я радовался глобусу и циркулю – такие вещи были только у состоятельных людей в нашем городе, а здесь их выдавали обычным студентам.

Нагруженные добром, мы проследовали по своим домам, и я совершенно забыл попросить Дэрика переселить меня в дом аристократии. Только положив вещи на стол и несколько раз восхищенно дотронувшись до глобуса, я понял, о чем забыл ему сказать. Исправлять ошибку было поздно, поскольку нужно было возвращаться в библиотеку и подготовиться к следующему дню занятий, так что я решил отложить разговор на потом, тем более что в моей нынешней комнате мне все нравилось.

На следующий день учеба закипела, и мне совершенно некогда стало думать о том, где жить или обедать. Нам задавали столько, что я корпел и корпел над всеми заданиями и пытался выполнить их максимально полно. Так что когда неделя подошла к концу, я так и жил в своей старой комнате, а за обедом и на учебе сидел за столом аристократии. А еще я встречался с Диком, который привез мои вещи и еще раз напомнил, чтобы я не появлялся в доме отца, пока не достигну успехов в учебе.

– Дин! Дон!

Я стал привыкать к ударам колокола, и они не вызывали у меня панической реакции вскакивать с места и куда-то бежать. Настало время обеда, мы стали собирать свои книги и блокноты, как вдруг в класс зашел директор. Все вытянулись в струну и вернулись на свои места.

– Господа, леди! – Он улыбнулся, как всегда, когда был в хорошем настроении. – Первая ваша неделя обучения закончилась, поэтому после обеда вы свободны. Вашим родным были разосланы уведомления об этом, и вас ждут за воротами колледжа экипажи или родители.

Так что поторопитесь отнести свои вещи и пообедать, утром в понедельник занятия начнутся или с вами, или без вас, так что решать, когда вернуться, только вам. Не смею вас больше задерживать, молодые люди.

Он улыбнулся нам напоследок и вышел – и тут же гурьба подростков, взбудораженных новостью, рванула из класса. Каждый хотел оказаться дома и похвастаться всем, что с ним случилось за эту неделю. Я поначалу тоже поддался этому настроению, но почти сразу вспомнил слова Дика и погрузился. Мне нечем было похвастаться перед отцом, так что все выходные я проведу тут.

«Зато хорошо подготовлю домашние задания, – решил я. – И заодно смогу почитать что-то для себя. Библиотека большая, так что, уверен, мне найдется чтение по душе».

Буквально через два часа помещение колледжа словно вымерло, только три или четыре окна светилось в ночи, подбадривая меня своим светом, – не я один остался на все выходные.

Взяв задания и блокнот, я направился в библиотеку, показав свой жетон скучающему парню-старшекурснику, который был, видимо, за что-то наказан дежурством, и прошел к столу аристократов. Не представляете, каково было мое удивление, когда я увидел за столом мисс Элизу ван Ленд. Она что-то увлеченно переписывала из толстой книги в свой блокнот, поэтому, когда у меня случайно выскользнул пенал и с шумом упал на стол, она вскрикнула и обернулась на шум. Увидев меня, она тут же успокоилась.

– А, это ты, первогодка. Места для простолюдинов направо.

Не знаю, что на меня нашло, но, набравшись храбрости, я выпалил одним духом:

– Я сын сэра Грюнальда!

– Да?! – Она снова повернулась, и я почувствовал, как застучало мое сердце, едва наши глаза встретились. – Почему же тогда ты не сказал об этом сразу?

К сожалению, на этом моя храбрость иссякла, и я, ненавидя себя всей душой за эту слабость, лишь пожал плечами и, устроив свои вещи на другом краю стола от нее, пошел за нужной литературой. Целый час мы занимались молча, каждый делал свое, но я изредка поглядывал из-за книги, чтобы лучше запомнить ее образ. Сегодня она была одета в темно-синее платье, которое оттеняло ее глаза, а светло-русые волосы, которые она теребила пальчиком, пытаясь завить локон, были заплетены так, что шляпка, сдвинутая на одну сторону, дополняла корзинку из волос на другой стороне головы. У меня было мало подходящих слов, чтобы описать девушку, ведь я общался только со своими ровесницами, а с такими красавицами я никогда даже заговаривать не смел.

– Элиза, ну скукота же смертная, давай поболтаем?! – снова проныл из своего угла парень-дежурный.

– Генрих, – ее голос с каждым новым предложением развлечься становился все холоднее, – ты не видишь, я занимаюсь! Мне еще два минуса устранишь, по твоей вине кстати!

– Все, молчу. – Генрих сразу же закрыл рот. Но хватило его ненадолго, через некоторое время он начал все сначала и с тем же результатом – девушка еще больше обозлилась на него.

– Эй, как там тебя! – Я не сразу понял, что зовут меня. – Парень!

Когда она подошла ко мне и я вдохнул аромат, который от нее исходил, я понял, что она все это время обращалась ко мне.

– Простите, мисс, я задумался, – промямлил я, не в силах поднять на нее глаза.

– Я вижу, – язвительно заметила она и продолжила: – Ты можешь поискать мне вот эту книгу? Я не хочу лазать по верхним полкам в этом платье!

Она протянула мне список литературы и ткнула своим аккуратным пальчиком в одного из авторов.

– Да-а-а, к-к-онечно, мисс. – Это все, что я смог выдать из своего горла, прежде чем взять листок, ее жетон и пойти в нужную секцию.

– Эй, эй, Элиза, ему запрещено входить во вторую секцию, почему ты у меня не попросила?! – возмутился дежурный.

– Потому что, Генрих, ты зануда и прилипала, – отрезала она. – Мальчик найдет книгу и отдаст ее мне, и все.

Я довольно долго искал нужный том, поскольку еще слабо освоился в своей-то секции, а тут нужно было пройти по жетону ученицы старшего курса в более обширную секцию и не потеряться там. Это уже само по себе было подвигом. Книга нашлась, как и сказала Элиза, на самой верхней полке. Чтобы ее достать, пришлось подвинуть передвижную лестницу.

– Прошу вас, мисс. – Я протянул книгу и жетон, когда вернулся.

– Спасибо. – Она наморщила носик. – Напомни, как тебя звать?

– Рэджинальд, мисс.

– Спасибо, Рэджинальд, – поблагодарила она и улыбнулась так, что я был готов перетаскать все книги из библиотеки, лишь бы это еще раз повторилось. Но, к сожалению, получив нужный фолиант, она погрузилась в учебу, и мне ничего не оставалось, как последовать ее примеру.

Поздно ночью, когда дежурный объявил, что библиотека закрывается, я помог ей разнести книги по шкафам и был ошеломлен, что она дождалась меня, и мы пошли вместе. Когда я повернул к своему дому, она сначала недоуменно посмотрела на меня, а потом сказала:

– В понедельник нужно напомнить Дэрику, чтобы тебя переселил!

Я попрощался с девушкой и, чувствуя себя окрыленным, поскольку душу мне наполнила невообразимая сладость, направился к себе. Я тут же забыл, что несколько часов назад сильно переживал, что не еду домой, – сейчас я был безумно рад этому!

На следующее утро, позавтракав вместе с еще тремя парнями, я сразу же направился в библиотеку. Но Элизы не было, и пришлось заняться только учебой. Иногда я прерывался и пробовал, как звучит ее имя у меня на губах.

«Элиза. Э-ли-за. Элиз-а».

Девушка появилась только через два часа, и мы с ней молча раскланялись, что подлило мне в сердце еще как минимум один кувшин сладости, а когда она спокойно обратилась ко мне за помощью, я тут же бросился выполнять ее просьбу.

Так и закончились мои первые выходные, которые принесли новые непонятные чувства и смятение.

В понедельник я не видел девушку, так что не стал напоминать своему наставнику о необходимости переселения, ведь я знал, что каждый курс живет в отдельном здании, а дом старшекурсников, а именно половина девушек, как раз находится рядом с тем домом, в котором я сейчас жил. Так что когда во вторник Дэрик предложил мне переехать, я отказался, объяснив это тем, что уже привык. Его мое объяснение полностью устроило, и мы к этой теме больше не возвращались, зато теперь я каждое утро мог видеться и здороваться с Элизой, словно мы давние знакомые, вызывая поначалу всеобщее недоумение.

Вот так, в заботах и волнениях, незаметно пролетел учебный год, и настала пора экзаменов. В моей жизни ничего не изменилось, друзей среди своего года обучения я так и не завел из-за того, что был все время в двусмысленном положении. Сидел и обедал с аристократами, а жил в доме с простолюдинами, зато я превзошел всю группу во всех науках, кроме ремесла. Непонятно, по какой причине, но все, что было связано с теоретической частью, у меня было превосходно, а как только дело касалось мышей – все шло наперекосяк. Я никак не мог добиться хотя бы результата Джеймса ван Гора, самого отстающего ученика класса. Хорошо еще, что практическая часть экзамена по ремеслу не являлась обязательной на первом

году обучения, – это меня радовало, а непонимание, почему у меня ничего не получается с практикой, заставляло просиживать в библиотеке почти все свободное время.

Но вскоре и это закончилось: мы сдали все предметы и в томительном ожидании разбрелись по своим комнатам. Результаты обещали огласить только через два часа. Страдающими и томящимися мы были не одни. Я с усмешкой наблюдал, как студенты всех без исключения курсов в волнении расхаживали туда-сюда. Везде царил молчание, так контрастирующее с гомоном в обычные учебные дни. Краем глаза я заметил Элизу, с которой мы практически не встречались, – это была вторая моя печаль после плохих практических работ. Зародившееся чувство, о котором я не мог и не хотел никому поведать, тлело у меня в груди, но я не понимал, что это, лишь твердо знал, что только рядом с нею оно становится теплым и сладостным.

Глава 2

Неожиданный поворот

– Ну что, господа, остался последний студент. – Сэр Гаррибальди Нейман устало потер виски. Переменчивая осенняя погода вызывала мигрень. Пересилив боль, он продолжил: – Единогласно?

– К сожалению, нет, сэр Гаррибальди, – ко всеобщей неожиданности, произнес сэр ван Рональд. Все в изумлении посмотрели на него. Они специально оставили напоследок лучшего ученика по всем предметам, и тут такой поворот.

– Объяснитесь, пожалуйста, Пэрри, – обратился к нему сэр Ричард.

– У меня есть сомнения, что он сможет овладеть ремеслом, – с сожалением произнес директор. – Я не спорю, что по остальным предметам он преуспевает, но, как вы все прекрасно понимаете, они все – полезная шелуха после основного, нужного императору умения.

– Я понимаю, что вы не хотели нас оскорбить, сэр Пэрри, но выбирайте, пожалуйста, другие выражения, сравнивая наши предметы с шелухой, – с неудовольствием выразил общее мнение сэр Ньюрвик.

– Да, конечно. – Директор лишь сделал вид, что смутился. – Но вы все меня поняли. С текущими показателями парень не закончит второй год.

В аудитории воцарилось молчание, все с трудом представляли, как воспримет эту новость глава цеха, ведь его последние два сына оказались вообще без таланта и просто не смогли поступить в колледж.

– Он ван Дир! – неожиданно вскрикнул старейший учитель. – Он же ван Дир, черт его побери! Кровавый нож не мог обмануть нас! И эта проверка была тогда вашей идеей!

Все встряхнулись и оживились, действительно вспомнив, из чьего рода студент.

– Вы хотите сказать, что его нужно проверить на антианимантию? Но, сэр Ньюрвик, в таком возрасте это бывает крайне редко!

– Я знал его прадеда, – хмыкнул тот в ответ. – Вот уж кто давал поводов каждый год говорить о себе: «Это невозможно». Так что нужно проверить мальчика на антианимантию и решить дело одним тестом, вы ведь не против?

Для наглядности он ударил своим сухеньким кулаком по столу, болезненно при этом скривившись.

– Сэр Ньюрвик. – Директор склонил голову перед старейшим членом совета. – Еще долго мы не сможем найти кого-то, кто будет мудрее вас.

Довольный похвалой старик ответил:

– Сначала проверим, а затем поведаем об этом его отцу. Хотел бы я увидеть лицо сэра Грюнальда в этот момент!

– Мистер Траст! – Директор позвал своего личного слугу и, когда тот появился, попросил его: – Приведите мистера ван Дира, пожалуйста.

Когда слуга исчез за дверью, директор подошел к шкафу в кабинете и достал «кровавый» нож – артефакт самого ван Червиваля, который нужен был для работы с душами. Он очень редко использовался, так как его стоимость была колоссальной. Артефакт не принадлежал какому-то конкретному человеку – он принадлежал всему цеху, являясь реликвией отца-основателя ремесла. Именно поэтому на вступительных экзаменах использовалась пирамида с вкраплениями редчайшего минерала паинита, кристаллы которого находили в природе чрезвычайно редко – в мире существовало всего лишь несколько сотен таких камней. Но никто так и не смог повторить самые сложные эксперименты основателя ремесла и найти камень такой

же величины, чтобы сделать из него целый нож. Подобной реликвии в мире больше не было. Конечно же, и враги, и республиканцы хотели бы им завладеть, но, к счастью, на территорию цеха попадали только избранные люди, а в колледж могли попасть лишь дети проверенных тайной полицией родителей.

Основная особенность паинита была в том, что если огранить его двумя плоскими гранями, то ремесленник, глядя на человека через него, мог с высокой вероятностью сказать, насколько сейчас цела душа человека. Все расчеты и вычисления, которые нужны были ван Червивалю в начале освоения ремесла, перестали быть актуальными после нахождения этого минерала. К сожалению, из тысяч ремесленников только избранным удавалось найти, купить или получить паинит в качестве признания своих заслуг перед империей – слишком уж редкими были эти камни.

Так что сейчас артефакт использовался в редчайших случаях: либо для определения спорных моментов – когда пирамида не могла дать однозначного ответа, либо когда требовалось определить, есть ли у человека дар к антианимантии. Обычно талант отнимать души насильно, без доброй воли человека, проявлялся только в процессе обучения, а точнее, в начале работы студента с человеческими душами. Обладатели его в обязательном порядке ставились на имперский учет, поскольку по окончании колледжа вместо отработки семи лет в цеху их направляли в армию, на фронт – туда, где проклятые республиканцы также использовали людей с этим даром, чтобы вытягивать души из захваченных солдат противника. Пленными в этой войне оставались недолго, поскольку все умерщвлялись антианимантами для добычи эссенции душ. Собственно говоря, из-за добычи этого ресурса война так и затянулась на столетия без видимого прогресса для обеих сторон.

Не сказать, что люди с даром антианимантии были редкостью, но вот тех, которые могли использовать этот дар, сознательно и до конца вытягивая чужие души и не травмируя при этом свою, было действительно мало, и каждый был на вес золота. Недаром они, прослужив семь лет в армии, сразу получали наследуемое баронство и земельный надел в управление. Антианимантов боялись, их ненавидели, но они были нужны всем.

В кабинет директора, где заседал совет учителей, зашел слуга и завел испуганного мальчика. Он был растерян, его одного из всего потока вызвали к учителям.

– Мистер ван Дир, возьмите, пожалуйста, нож в руку и попробуйте провести им по моей ладони, – приказал директор тоном, не терпящим возражений, и протянул ему каменный нож.

Перепуганный парень схватился за него и, закрыв глаза, полоснул по подставленной руке. Лицо директора перекошило, но он сдержался, когда кровь резко и сразу показалась из широкого разреза. Парень испуганно залепетал извинения.

– Верните мне нож, молодой человек, и вы свободны. – Директор, лоб которого покрылся испариной, с видимым спокойствием принял артефакт, но едва парень вышел, тяжело дыша оперся о стол. Все удивленно смотрели на него, ведь сэр ван Рональд был одним из сильнейших антианимантов и вывести его из равновесия было заданием не из простых.

– Силен, – наконец отдышался он, – очень силен. Нужно уведомить тайную полицию сегодня. Одним махом лишил меня трети, не меньше.

– Сколько? – слитный выдох позабавил ван Рональда.

– Не обольщайтесь сильно – пока из парня не будет толка. – Директор наконец оправился от мгновенного забора такого количества души и, убрав в шкаф артефакт, опустился в кресло. – Сельский житель, со сверстниками практически не общается, слишком впечатлительный, не думаю, что он способен на хладнокровные убийства. Жаль, конечно, ведь колледж мог получить от императора хорошее вознаграждение за нахождение такого таланта.

– Эм-м-м, можно мне слово, господин директор?

– Конечно, сэр Ньюрвик.

– Неделю назад к нам поступил запрос на выделение студента для помощи тайной полиции. – Старик сделал многозначительную паузу и хитро прищурился.

Сэр Ричард, до этого тихо сидевший в углу комнаты, сразу же вскинулся.

– Но, господа! Позвольте! Туда отправляются только выпускники и только за серьезные нарушения, и то они не могут там продержаться дольше пары недель!

Директор посмотрел на учителя естественных наук, потом на старого хитреца. Тысяча гиней и ужин с главой тайной полиции – вот что получал колледж, который обнаруживал талантливого и сильного антианиманта. Сумма была для него не слишком серьезной, можно было разделить ее между остальными учителями, повысив их лояльность, но вот ужин с главой тайной полиции после последних выкрутасов старшего сына становился жизненно необходимым.

– Господа... – Решение пришло почти сразу. – Есть два варианта. Первый: прислушиваемся к совету сэра Ричарда и просто докладываем тайной полиции о сильном, но не годящемся для армейской работы парне или же... – Он сделал паузу и обвел глазами кабинет. Старый лис Ньюрвик понял, что задумал директор, и сейчас лучился удовольствием, ведь он предложил эту идею. – Второй вариант: мы пока никому не говорим о своем открытии, парня отправляем к полиции, пообещав послабление в учебе и гинею в неделю в качестве оплаты услуг, а через пару месяцев, если он, конечно, протянет столько на этой волчьей работе, проведем еще одну аттестацию. Я не буду участвовать в разделе награды, возьму себе только ужин с главой тайной полиции.

Даже у сэра Ричарда сразу же отпали все сомнения, едва прозвучали магические слова о награде. Он поигрывал на скачках и в последнее время немного нуждался, так что золото было сейчас важнее моральных принципов.

– Если единогласно, тогда так и поступим. – Директор был очень доволен. Оставалось лишь договориться со старшим инспектором тринадцатого участка и дать ему кое-какие инструкции: как и на какие преступления посылать их ученика.

В том, что парнишка согласится, он не сомневался ни мгновения. Чистая книга – вот кем он сейчас был, все, что нужно было, – занести в нее правильную информацию.

После неожиданного предложения директора я ни секунды не раздумывал, и дело было вовсе не в деньгах.

После окончания учебного года все разъехались по домам на два месяца каникул. У меня же стоял выбор: либо остаться здесь, либо поехать к маме. Денег, что дал отец за отличное окончание года, могло хватить на дорогу в общем вагоне, но я подумал, что тогда приеду с пустыми руками и мама с бабушкой будут тратить на мое содержание эти два месяца. В колледже же кроме меня осталось сейчас всего два человека – видимо, со схожими проблемами, да и, честно говоря, сейчас было много времени, чтобы я мог наконец погулять по городу и прочитать те книги, которые были интересны мне самому. Пока шла учеба, это делать было проблематично – нам задавали столько, что мы едва успевали прочитать все по программе.

С Элизой мы больше не пересекались, что меня очень печалило. Видимо, тот раз, когда ее за что-то наказали, был исключением, и больше в выходные дни я в библиотеке ее не видел. В обычный день ведь не подойдешь к ней. У нас не было общих тем для разговора. Да и какие общие темы могут быть у первогодка и старшекурсницы? Теплое чувство в груди не давало мне покоя, но я не мог ничего с этим поделать. Если бы я попытался за ней ходить, меня бы никто не понял, да и я сам не понимал, как быть, если она заговорит со мной, поэтому молча наблюдал издали и страдал.

– Мистер Оливер Твайс, позвольте представить вам мистера Рэджинальда ван Дира, нашего молодого, но подающего большие надежды ученика. – Вот так началось наше знаком-

ство со старшим инспектором Ист-Энда. Этот пожилой человек в мятом и обляпанном грязью костюме мне не очень понравился – его седые волосы паклей торчали из-под цилиндра, а голос с визгливыми нотками вскоре начинал раздражать, но от инспектора зависело мое будущее – ведь за помощь полиции директор пообещал мне плюс десять баллов на выпускных экзаменах в каждом году, а это было немало!

– Доброе утро, молодой человек. – Он окинул меня быстрым и цепким взором и обратился к директору: – Пэрри, а он не слишком молод? Он вообще знает, что ему предстоит увидеть и чем придется заниматься?

– Я пока не посвящал его в курс дела. – Странно, но от его слов директор смутился. – Главное – мальчик способный и без труда сможет определить, было ли влияние ремесленника.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой старший инспектор, кидая на меня подозрительные взгляды, – но в общем-то это не мое дело. Если глава тайной полиции дает мне ремесленника, я только за обеими руками. Сами знаете, последнее время с этим Кукольником одни проблемы. Начальство заставляет бросать все силы на его поимку. А кто будет раскрывать остальные дела? У меня только за эту неделю семь трупов, и два из них без признака насилия! Как, скажите, работать, если вы отказываетесь предоставлять нам ремесленников?!

Визгливые нотки последних выкриков заставили меня поморщиться, а вот на лице директора не дрогнул ни один мускул.

– Оливер, вы прекрасно знаете причину, – спокойно ответил он. – Берете мальчика или нет?

– Конечно, беру, – быстро ответил тот. – Отдам его Дрейку – он как раз зашивается последнее время и стал невыносим со своим нытьем о необходимости присутствия ремесленника.

– А, мистер Райт, – с пониманием улыбнулся ван Рональд, – помню его. Ведь он, по-моему, и ведет сейчас его дело? В «Нью Таймс» писали.

– Да пропади пропадом этот Кукольник! Вчера нашли еще одну бедняжку, меня вызвали сегодня вечером туда, – мистер Оливер показал пальцем в небо. – И дай мне бог сил перенести очередную выволочку. Осталось всего два года, мистер Перри, проклятых богом два года, и я закончу со всем этим.

– Тогда удачи, она вам сегодня понадобится.

Директор дружески пожал руку собеседнику и обратился ко мне:

– Не переживай, тебя на время каникул по мере необходимости утром будут забирать у ворот полицейские и провожать сюда же вечером, а когда начнется учеба, мы обговорим с тобой новый график. Думаю, сможем сделать тебе небольшие послабления в учебе.

Он протянул мне коробочку, внутри которой лежала малюсенькая пластинка паинита размером с мой ноготь, но, зная его стоимость, я с трепетом принял ее и спрятал во внутренний карман сюртука. Только с его помощью я мог определить текущие остатки души у мертвых тел и с помощью таблицы ван Червиваля рассчитать примерное количество души до смерти.

– Спасибо, сэр. – Я склонил голову в знак признательности, но коленки начали дрожать при упоминании в их разговоре слов «труп», «Кукольник» и прочих ужасов. Я до сей минуты особо не задумывался, в чем именно будет заключаться моя помощь полиции. После тех плюсов, которые мне нарисовал директор, я как-то забыл спросить, что конкретно от меня будет нужно, кроме как «определять, были ли потери души».

– Пойдемте, мистер ван Дир, – обратился ко мне полицейский.

Раскланявшись с директором, мы направились к воротам. Когда привратник открыл нам, я даже не понял сначала, что это мой первый раз за прошедший год, когда я покинул территорию колледжа. Летнее солнце старательно пробивало себе путь в смоге, который висел над городом, в основном безуспешно, но кое-где в рваные дыры все же пробивались яркие лучи.

Еще одним сюрпризом оказалось наличие у старшего инспектора парокара с водителем-полицейским. Огромная машина, начищенная до блеска, была небрежно припаркована рядом, а усатый водитель лениво листал газету. Правда, увидев нас, он быстро ее отложил и засуетился внутри.

Тоненькая струя пара, исходящая из котла сзади, стала набирать силу, и вскоре раздался свист, сообщающий, что нужная температура достигнута и можно ехать, – и все это всего лишь за неполную минуту! Я был поражен. Мне стало интересно, какой величины накопитель стоит на этой машине, если смог так быстро поднять температуру и давление в котле.

– В тринадцатый, Арни, – небрежно бросил инспектор, садясь внутрь и показывая мне рукой присаживаться рядом. Мне, конечно, хотелось лучше осмотреть это чудо инженерного гения, ведь таких красивых парокаров я еще не видел вблизи, но, почувствовав настойчивое внимание полицейского, я аккуратно, чтобы ничего не повредить, забрался на заднее сиденье рядом с ним.

Когда машина едва слышно тронулась, у меня захватило дух – я впервые ехал на парокаре! Да если бы об этом узнали мои друзья, они не дали бы мне и минуты покоя, заставляя пересказывать свои ощущения!

– Ван Дир? – Внезапно голос старшего инспектора отвлек меня от созерцания окрестностей. Я приехал в город во время дождя и большую часть окрестностей даже не видел. Другие ученики в выходные дни выбирались на прогулки по кварталу, возвращаясь с полными руками покупок, а меня никто с собой не звал, да и не было у меня для этого денег, так что смысла в бесполезных шатаниях по улицам я не видел – лучше было подготовиться к занятиям.

Я отвечал на вопросы полицейского об отце, о себе, своей жизни, но чисто механически, поскольку был сейчас не с ним, а смотрел на мелькающие дома, людей, магазины. В Квартале ремесленников кипела жизнь, несмотря на раннее утро воскресного дня. Служанки, одетые в строгие платья, украшенные гербами с принадлежностью определенной семье, либо шли с пустыми корзинами в лавки и магазины, либо уже возвращались, тяжело нагруженные продуктами, тканями и прочими нужными в хозяйстве предметами. Ребятня бегала туда-сюда, наполняя звоном своих голосов все вокруг. Конечно же, основная масса населения квартала еще спала, устав за рабочую неделю, но все равно улицы не были пустынными.

Вот только все мое хорошее настроение стало улетучиваться, когда мы выехали за ворота квартала и, проехав пару миль, попали сначала в доки, а затем въехали в жилые кварталы Ист-Энда. Мне стало казаться, что солнца здесь нет и никогда не было. Грязные старые здания были настолько серы и невзрачны, что, казалось, они нависали над узкой дорогой, стараясь раздавить пешеходов. Улицы были пустынные, и по контрасту с Кварталом ремесленников практически отсутствовали дети, лишь несколько беспризорников рыскали в мусорных баках возле немногочисленных лавок да пара ярко одетых женщин спешили по своим делам. Каменная мостовая вскоре превратилась словно в стиральную доску. Ругаясь и обливаясь потом, водитель постоянно снижал скорость и гудел свистком на нерасторопных извозчиков, которые стояли на краю дороги и из-за узости улицы мешали проехать парокару. Меня начало терзать смутное чувство, что, возможно, я поторопился, согласившись на эту подработку.

Мы остановились у здания, которое отличалось от остальных только большой медной пластиной, прибитой над входом. Выбитые и подкрашенные черной краской буквы на ней глаголю, что передо мной полицейский участок: Уайт-Чапел-роад, тринадцать.

– Приехали, – сообщил старший инспектор и обратился к водителю: – Не глуши, я быстро.

Я покинул машину и двинулся за ним. Едва мы вошли в участок, как все разговоры прекратились и люди в синих мундирах с металлической цифрой «тринадцать» на воротниках быстро разошлись под неодобрительное хмыканье старшего инспектора. Мы прошли еще с

десяток шагов и оказались перед стойкой, за которой стоял пожилой полисмен с пышными бакенбардами.

– Добрый день, сержант Экстон, где инспектор Дрейк?

– Добрый день, сэр, – спокойно и без малейшей подобострастности ответил тот. – На месте. Думаю, он услышал, как вы подъехали.

– Старший инспектор! – услышал я сильный и громкий голос из-за спины и повернулся. За моей спиной стоял даже не человек, а гора. Он был огромен настолько, что я растерялся: его голова едва не задевала потолок участка, который был не меньше десяти футов в высоту. Огромные руки, казалось, без труда могут раздавить камень, а вот лицо его притягивало взгляд и явно не подходило этому телу. Оно должно было быть, подобно лицу моего отца, каким-нибудь угловатым с рублеными чертами, но нет: красивый ровный нос, гладкие щеки и мягкий подбородок явно были тут лишними.

– Дрейк, я привел к тебе ремесленника, прошу любить и жаловать, кстати, сын самого главы цеха!

На красивое лицо инспектора резко набежала туча. Брезгливо посмотрев на меня, он ответил:

– Ты с ума сошел, Оливер? Я просил ремесленника, а не маленькую кучку аристократического дерьма.

У меня от этого оскорбления перехватило дыхание и сжались кулаки.

– Мистер!

Но полицейский даже не обратил на мой возглас внимания, не удостоив и взглядом.

– Я к тому и говорю, Оливер, что ты выжил из ума от старости! Да он не протянет тут и двух дней! Ты посмотри на него – богатенький чистоплюй, не знающий жизни! Вспомни, чем закончилась прошлогодняя попытка пристроить у нас такого же?! А?! Напомнить тебе?!

– Прошу прощения за мистера Дрейка, Рэджинальд, – обратился ко мне старший инспектор, – подождите нас здесь, пожалуйста, а мы с инспектором поговорим в его кабинете. У него всегда были проблемы с манерами и субординацией.

Я тяжело дышал. Таких оскорблений мне никто не наносил, и было непонятно, что делать – кидаться на него с кулаками? Да он громадный, как дом, и просто раздавит меня одним пальцем!

Им не помогло то, что они ушли в отдельный кабинет. Мат и крики стояли такие, что было понятно, что сейчас они решали, остаться мне или нет. Доводы простого инспектора сводились к тому, что всего полицейского участка не хватит, чтобы постоянно меня охранять от приключений, которые я тут найду на свою пятую точку, на что его оппонент говорил, что Дрейк достал со своим нытьем о нужности ремесленников в участке, а когда ему приводят такого, начинает нос воротить.

Я стоял и ждал, даже улыбнувшись, когда стоящий за стойкой сержант Экстон показал смешную рожицу повешенного, тыча пальцем на кабинет. Мне он сразу понравился в отличие от громилы Дрейка и инспектора Твайса.

– Все, ты мне надоел, Дрейк! – Голос старшего инспектора ворвался в помещение, когда он открыл дверь. – Никаких больше отговорок! Возьмешь паренька и обеспечишь его охраной – это приказ.

На возмущенный возглас Дрейка он не обратил никакого внимания, подойдя ко мне.

– Ну все, я обо всем договорился, оставляю тебя в надежных руках инспектора, – улыбнулся он мне и потрепал за плечо, – и так уже задержался, а еще надо привести себя в порядок перед встречей с главой тайной полиции. Удачи, парень, если будут просьбы, обращай ко мне через инспектора. – Он посмотрел на злобно пыхтящую рядом гору и передумал: – Или лучше через директора. Для надежности...

Погрозив кулаком своему подчиненному, он вышел за дверь, и вскоре я услышал, как отъехал парокар. Я остался совершенно один в логове монстра, который сейчас с налитыми злобой глазами словно прикидывал, как лучше меня приготовить к ужину.

– Иди давай, мешок дерьма! – Дверь участка хлопнула, и внутрь влетел человек, которого пинком закинул туда полицейский.

У меня стали подкашиваться коленки от страха. Жизнь до этого момента показалась мне тихой и беззаботной. Я стоял сейчас далеко от того места, где мне ничего не угрожало, где было спокойно и кошмаром считались минусовые баллы. Сейчас я был совершенно один, в заброшенном богом месте – трущобах Ист-Энда, в компании двух громил. Зашедший полицейский был тоже в штатском, как и инспектор, стоящий рядом со мной, а размерами ему не уступал.

– Дрейк, что это за хлыщ? – удивленно спросил он, обращаясь к инспектору.

– Это... Джеймс, наш новый ремесленник, и с сегодняшнего дня ты за него отвечаешь головой! – перемежая речь ругательствами, рявкнул тот и на возмущенный рев ответил знакомой мне фразой: – Все, это приказ, и я не буду его с тобой обсуждать!

Сцена с криком и матом повторилась, но закончилась с тем же результатом, что и в прошлый раз, – победил старший по званию. Вот так, молча стоя на одном месте, я приобрел в этом участке сразу двух «друзей».

– Не бойся, парень, – видя, что я начал трястись от страха, обратился ко мне добрый сержант за стойкой. – Они отходчивые. Если продержишься пару недель, поймешь, что они неплохие ребята.

Я почти успокоился, но он добавил фразу, которая свела на нет все его усилия меня успокоить:

– В общем-то неплохие. А вы что, олухи, встали?! Чурбаны ленивые! – Человек за стойкой с двумя серебристыми галочками на рукаве набросился на полицейских, которые с удовольствием смотрели, как в кабинете начальства разыгрывается вторая буря подряд. – Оформляйте этого. – Он подбородком показал на человека, лежащего на полу.

– Меня задержали по ошибке, я ничего не сделал, – залепетал мужчина, когда два полицейских подняли его за руки и потащили к стойке.

– Поговори мне еще, – процедил один из них и одним коротким взмахом ударил его кулаком по почкам. Тот вскрикнул и обмяк. – Если сержант привел, значит, в чем-то виновен.

Мне стало казаться, что я знаю, как будет выглядеть ад, когда умру. Когда меня похоронят, я так же очнусь в неизвестном месте, где все кругом орут друг на друга, избивают и не считаются с мнением остальных.

Странно, но, наоравшись друг на друга, полицейские вышли из кабинета оба такие довольные, что я опять начал волноваться. Они не выглядели поссорившимися вдрызг людьми.

– Сержант Экстон, – елейным тоном обратился инспектор к полицейскому за стойкой, – помнитесь, нас звали сегодня посмотреть на тело на Олд-Сван-стрит?

Экстон посмотрел сначала на меня, затем на инспектора, чему-то улыбнулся и, закашлявшись под суровым взглядом того, ответил:

– Эм, да, сэр, но вы как бы послали их, сказали, что утопленником пусть занимается четырнадцатый участок – это их территория.

– А других жмуриков сегодня нет? – вежливо поинтересовался он, вызвав у меня панический шок.

– Нет, но мисс Олсен еще не увезли, – моргнув глазом, ответил тот.

Двое громил переглянулись, улыбнулись друг другу и молча вскинули кулаки, выкинув фигуры из известной игры «камень, ножницы, бумага».

– Значит, утопленник, – удовлетворенно хмыкнул сержант, увидев, что он выиграл. – Стареешь, Дрейк, пятый проигрыш подряд.

– Да ты мухлюешь постоянно! – возмутился тот.

– Кто – я? Да как тут можно мухлевать?!

– Кх-х-м, – прокашлялся полицейский за стойкой, показав им на меня взглядом, сразу же прекратив их спор.

– Что же, сэ-эр ван Дир, – обратился ко мне инспектор, специально растягивая слова, – пройдемте с нами, покажем вам, чем вы теперь будете заниматься.

Если я думал, что мы сейчас выйдем на улицу, сядем в еще одно чудо техники и поедем с ветерком, так же, как я прибыл сюда, то действительность расставила все по своим местам. Перепрыгивая через кучи лошадиного помета, грязь и помои, которые хозяйки выливали прямо на мостовую мне под ноги, я старался бежать за двумя огромными спинами, которые шли впереди и словно не замечали меня, обсуждая результаты скачек.

Шли мы так долго, что дыхание у меня сбилось полностью, а рубаша давно вылезла из штанов, и край ее болтался. Всего этого я не замечал до тех пор, пока мы не пришли на место, пройдя какими-то закоулками по однотипным кварталам. Я даже по сторонам толком не смотрел, стараясь успеть за полицейскими, и думал, что если вот эти две широкие спины сейчас скроются из виду, то я тут же потеряюсь и останусь здесь навсегда.

Пока они остановились возле ящиков и осматривались, я наконец смог отдышаться и посмотреть, куда мы зашли. Оказалось, что мы стоим недалеко от Темзы, которую я также видел сегодня впервые в жизни. Последние дома, которые мы прошли, стояли так близко к воде, что всего десяток футов отделял их от реки, а в небольшом выступе пирса, где стояли полицейские, внизу колыхалась на набегающих волнах пара маленьких паровых лодок.

– Посыльный же сказал, что вас не будет. – Я заметил, как к полицейским подошел еще один молодой полисмен и начал оправдываться: – Мы и перенесли его с места в погреб.

– Ладно, пошли, покажешь.

Мы зашли в угловой дом и спустились вниз, откуда повеяло холодом. Я поежился и обратил внимание на свой внешний вид. Заправив рубашу в штаны и пригладив длинные волосы, которые налипли мне на лицо от пота, я почувствовал себя увереннее.

– Вот, мистер ван Дир, сэ-эр, посмотрите и определите, был ли забор души у этого бедняги.

Я не видел происходящего впереди, поскольку два крупных тела закрывали мне обзор, но когда один из них повернулся с улыбкой и жестом показал мне пройти вперед, я обрадовался и сделал пару шагов.

Остановил меня невыносимый, тошнотворно-сладкий запах, из-за которого у меня сразу образовался ком в горле. Я остановился и посмотрел туда, где в паре шагов от меня лежало явно человеческое тело, накрытое грубой тканью.

– Сэр? – Инспектор снова мне улыбнулся и подтолкнул вперед, да так, что я споткнулся и упал вперед, угодив одной рукой во что-то мягкое и податливое. Ткань сползла, и на меня уставилось полусъеденное лицо мертвого человека. Запах ударил мне в нос, и я не смог удержать позывы рвоты, опорожня раз за разом свой желудок прямо на труп. Я не мог остановиться, мне сделалось очень плохо, голова кружилась, а сил встать и отойти не было. Последнее, что я помню, – это громкий смех сзади.

– Эй?! – В лицо мне брызгали холодной водой, и я замотал головой, чтобы перестали, но твердые и крепкие руки держали меня, не давая вырваться, и продолжали лить на меня воду.

– Оставьте меня в покое! – Я пришел в себя и стал вырываться. – Отпустите!

– Оставь его, Джеймс. – Я повернул голову и увидел курящего инспектора, который облокотился на тумбу у пристани. – Ему нужно закончить дело, зря мы, что ли, сюда пришли?

– Какое дело? – Я пришел в себя и, отпихнув руку сержанта, стал отряхиваться.

– То, зачем тебя сюда и взяли, сынок, – процедил он. – Если что-то не нравится, сержант проводит тебя до дома и ты попросишь своего директора не присылать тебя сюда больше. Ведь это так просто, да?

Догадка сверкнула у меня в голове.

«Так вот зачем это все было! Им не нужен был этот труп, не зря тот сержант говорил, что они отказались его смотреть. Они пришли сюда, только чтобы испугать меня!»

Не знаю, откуда я взял силы, но упрямство оказалось крепче остальных чувств. Я молча встал и направился в подвал. Достав платок и приложив его к носу, я спустился вниз и, тщательно сглатывая слюну, взял труп за руку. Мне теперь стало понятно, зачем сразу после экзамена директор дал мне тетрадь, заполненную от руки мелким размашистым почерком, от содержания которой меня сначала бросило в дрожь, но поскольку он сказал с ней ознакомиться, пришлось читать и готовиться. Но что все будет так на самом деле, я не рассчитывал. В этих записках была проведена работа по опознанию и расчетам души у мертвых людей. У любого трупа, если он не скелетировался и не рассыпался на отдельные кости, можно было увидеть остатки человеческой сущности. Она пропадала, когда исчезала последняя из связующих нитей, соединяющих костяк. Так что, зная возраст, вес, рост человека, а также примерное время его смерти, можно было высчитать, отнималась ли у него душа до смерти или же он отдавал ее добровольно. Конечно, метод был неточен – влияли многие факторы. Отдача мелкой порции эссенции осталась бы незамеченной, но вот крупные отборы можно было установить.

Порадовавшись, что захватил с собой тетрадь, я вытащил ее из-за пазухи. Найдя таблицу с параметрами, я достал карандаш, пластинку паинита и портняжную мерку, стараясь при этом меньше дышать. Произвел замеры с помощью камня и переписал данные в свой блокнот, подставив в формулу из тетради. По расчетам выходило, что душа у него была убавлена лишь на величину налога. Видимо, он недавно оплатил его.

Убрав все свои инструменты, я поднялся и быстро вышел наружу. Поджав губы, я подошел к разговаривавшим полицейским.

– Душа уменьшена на величину налога, не более.

У сержанта округлились глаза, и он посмотрел на старшего товарища. Тот поморщился, но ответил мне:

– Так, значит... Хорошо, возвращаемся.

– Дрейк, может, не нужно, парнишка-то не виноват? – думая, что я не слышу, спросил второй полицейский, когда мы зашагали назад.

– Что?!

– Ладно, успокойся, я всего лишь спросил.

– У меня эти аристократишки вот где сидят! – жестом продемонстрировал он. – Еще один маменькин сынок на моей шее не нужен.

Дорога в участок далась мне еще хуже, чем сюда. От непривычки ноги гудели и распухли так, что казалось, ботинки свои я уже не сниму. Задумавшись, я слегка отстал от полицейских, поэтому не сразу понял, когда меня дернули за рукав и, заткнув рот, затащили в переулок. Жадные руки зашарили по карманам, вытаскивая блокнот, тетрадь, кошелек и, что самое главное, бесценную коробочку с паинитом. Без нее я стану бесполезен, да еще и получу штраф от директора, который специально озвучил мне стоимость и то, что этот кусочек принадлежит цеху.

Я попытался вырваться, но рук было несколько, и мое трепыхание они даже не заметили, я видел перед собой только двоих взрослых парней, еще, вероятно, двое держали меня сзади, не давая пошевелиться.

– Так-так... – Я сначала услышал звук падающего тела, и сумрак переулка стал еще темнее.

Сильная рука с легкостью выдернула меня из чужих рук, и раздались еще несколько ударов. Обернувшись, я увидел корчившихся на земле мальчишек моего возраста в грязной и рваной одежде. Они лежали и стонали на земле, с шумом втягивая воздух.

– Кто это тут у нас, Джеймс? Не вижу толком.

– Вы чьи, господа? – Сержант, а это был именно он, забрал у валяющихся воришек мои вещи и вернул их мне.

В ответ он слышал только грязные ругательства.

– Мне кажется, Джеймс, нас здесь не уважают, – задумчиво проговорил инспектор и направился к лежащим на земле, – давно мы сюда не заходили.

– Так ведь это не наш участок, сэр, – спокойно ответил ему сержант, – вот они нас и не знают.

– Ну теперь точно запомнят. – Инспектор руками разорвал на всех одежду и оставил воров голыми, всю рвань смотал в большой комок, огляделся кругом и, размахнувшись, закинул его на крышу ближайшего дома.

– Идем, пока не поздно, тебе еще отводить его назад. – Он вернулся к нам и, не слушая раздающихся вслед ругательств, спокойно пошел вперед.

В этот раз я не стал искушать судьбу, а шел сразу за их спинами, испуганно поглядывая по сторонам. Я чуть было не лишился всего!

– Сержант, завари мне кофе и пожрать нам что-нибудь принеси! – сказал Дрейк, едва мы зашли в участок. После того как он отдал приказы дежурившим тут полисменам, он мощно зевнул и продолжил: – Запиши в журнал: труп без признаков насильственной смерти, душа нетронута, золотой зуб на месте, так что или сам утопился, или пьяный упал. Дело закрыто. И пошли пневмопочтой письмо в четырнадцатый, пусть не ходят.

– Хорошо, сэр.

Сержант с инспектором ушли в кабинет, оставив меня одного. Набравшись смелости, я обратился к Экстону за стойкой:

– Мистер Экстон, а почему вы называете его «сэр», он ведь не благородный?

По хмурому виду сержанта я понял, что сморозил глупость, но его лицо почти сразу же смягчилось, и он тихо сказал:

– У нас, простых людей, слово «сэр» не только обозначает статус положения человека. Если ты уважаешь кого-то настолько, что повышаешь его статус в собственных глазах, то можешь называть его как тебе заблагорассудится.

Я почувствовал себя неловко и отошел от полицейского, сев на скамью. Есть меня не позвали, и о себе напомнил мой живот, громко проурчав на весь участок. Раздавшиеся смешки были погашены окриком сержанта, который ушел в подсобку и вынес оттуда большой кусок хлеба с сыром. Положив их рядом со мной, он улыбнулся:

– Ешь, проголодался, наверно.

Не слушая моих горячих благодарностей, он удалился на свое место, а я с такой жадностью накинулся на еду, что самому стало стыдно за свое поведение. К счастью, на меня никто не смотрел, и, утолив первый голод, я стал есть, откусывая небольшие куски.

Спустя час из кабинета инспектора вернулись два полицейских и позвали меня пойти с ними. Мы стали спускаться по винтовой лестнице куда-то вниз, и чувство дежавю закралось ко мне, заставив достать платок и на всякий случай приложить его ко рту. Оказалось, мы спустились в небольшую тюрьму, где в клетках сидели, стояли или лежали множество людей. Завидев инспектора, сразу же все затихли, и наши шаги эхом стали разноситься по бетонному коридору.

Открыв дверь в конце длинного туннеля с клетками, инспектор Дрейк зажег газовый фонарь, и внутри сразу стало светло, а я прищурил глаза. Я осторожно зашел внутрь и осмотрелся: посередине стоял большой, грубо сколоченный то ли стол, то ли скамья со странными приспособлениями у изголовья и ног, словно небольшие раковины. Кроме него внутри был только умывальник с ведром воды рядом и на каждой из стен висели четыре длинные и широкие полки на уровне моего пояса, прикрытые серой тканью.

Пока я оглядывался, инспектор достал большой сверток с одной из полок со странно торчащими из него руками и ногами большой куклы и, поставив его на стол, произнес:

– Мистер Рэджинальд, познакомьтесь с мисс Олсен.

Я не сразу понял, что торчавшие из свертка руки и ноги принадлежали не кукле, а человеку. Только когда он развернул узел, я с ужасом увидел, что это не тело, а отрубленные руки и ноги, а также голова девушки.

Рвота нахлынула на меня, и я не добежал до раковины, выблевывая недавний обед.

– Нежный нам попался аристократ, – одобрительно прокомментировал мои действия инспектор, – если в том подвале убирать не нужно было, то в нашем морге придется, а то док будет недоволен. В общем, сэ-эр ван Дир, осмотрите мисс Олсен, а как приберетесь тут – можете быть на сегодня свободны, сержант проводит вас домой. Пошли, Джеймс, пропустим пока по бокальчику бренди, – обратился он к своему другу.

И они ушли, оставив меня одного.

От бессилия я сел и заплакал. Столько унижений и ужасов, как сегодня, я еще не испытывал за всю свою жизнь. Хотелось выть и бить кулаками в стену, чтобы хоть как-то унять жалость к себе. Когда слезы кончились и высохли, я понял: надо решать, что делать. Можно плюнуть на все и просто уйти, наняв повозку до территории ремесленников, и навсегда забыть про ужасы, творящиеся здесь. Я встал и пошел к двери, и вдруг голова мертвой девушки наклонилась и упала с глухим звуком на пол. Я стоял и держался за ручку двери и не мог сделать ни шага. Нужно было проявить уважение к мертвому и поднять голову, или я не смогу сегодня спокойно заснуть, поскольку ее образ будет преследовать меня.

Тяжело вздохнув, я поежился от холода, который тут, оказывается, был приличным, подошел и брезгливо поднял ее за волосы, положив назад. Почему-то от этого простого действия внутри все успокоилось, и я уже спокойнее рассмотрел мертвое лицо. Она была очень красива при жизни, даже сейчас лицо ее было привлекательным.

Мне стало ее жаль – такая молодая, примерно одного возраста с Элизой, а уже мертва. Не отдавая себе отчета, я вытащил коробку с минералом и посмотрел на голову. Ничего. Я опешил и посмотрел через мутный кусочек минерала, думая, что упустил едва заметные взгляду ремесленника зеленые нити, идущие от тела вверх и образующие тонкую бахрому вокруг тела каждого человека. Снова ничего.

Я, не понимая, что происходит, раз за разом, дюйм за дюймом просматривал руки, ноги и голову, но ничего – ни одного зеленого волоска не обнаружил. Получается, что девушка умерла от полнейшего иссушения души! В тетради, что дал мне директор, было одно упоминание об этом, но скорее как один из примеров того, что остатки души можно и не обнаружить на теле, если она подверглась принудительному иссушению до смерти. И вот я сам вижу такое своими глазами. Я сделал пометку в своем блокноте: подписал страницу как «мисс Олсен» и занес туда свои наблюдения, оставив пустыми строчки в таблице с параметрами ее тела, так как при отсутствии торса нельзя было точно сказать, какого роста и веса покойная была при жизни.

Поскольку самое трудное задание я выполнил, глупо было не убраться за собой, и я, взяв грязную тряпку рядом с раковиной, убрал следы деятельности своей пищеварительной системы, оставшиеся на полу. Уйти мне опять не дала голова мертвой девушки. Почему-то я решил, что неправильно оставлять ее вот так, лежащей посередине комнаты на столе. Собравшись с духом, я сложил ее останки и завязал узлом материю, вернув получившийся сверток назад на полку.

На душе сразу стало спокойно, и с чувством выполненного долга я затушил газовую горелку и пошел назад, стараясь не смотреть по сторонам. Хотя большинство арестантов уже спали, некоторые стояли возле решетки и подзывали подойти к ним. Это было последней каплей на сегодня, и я пулей метнулся наверх.

Разговаривать с полицейскими мне совершенно не хотелось, поэтому я достал лист, написал на нем свои мысли и, молча протянув его сержанту, пошел к своей скамье, где лежали остатки моей еды. После сегодняшнего есть не хотелось совершенно, но я заставил себя запихнуть ее внутрь, чтобы были силы на обратный путь.

– Это правда?!

Я не понял, как очутился в воздухе. Меня затрясли, как собачонку, махая перед глазами моим же листком.

– Дрейк! Дрейк! Отпусти его!

В державшую меня ручищу вцепились несколько полицейских и отняли меня у инспектора.

– Проклятье! Я говорил этим жирным уродам, что дело нечисто! Я говорил им – дайте мне ремесленника! Жирные ублюдки! Столько времени потеряно зря!

Он бесновался невдалеке, но меня от него отделяли оба сержанта, а Дрейк ругался и ругался, пытаясь пройти ко мне. Хорошо, что ему не дали.

– Так, Джеймс... – Инспектор внезапно стал спокойным и сосредоточенным, словно и не было недавней вспышки гнева. – Веди его домой, завтра он будет нужен мне.

– Мне с ним пешком, что ли, идти? – возмутился сержант. – Да только до квартала топать и топать.

– Вот деньги, – Дрейк тут же вытащил крону и передал ее сержанту, – отвезешь его, там заночуешь и ранним утром привезешь его сюда.

– Но меня не пустят в квартал! – снова возмутился тот.

– Слушай, Джеймс, ты – сержант полиции его императорского величества Вильгельма, – отрезал инспектор, – если какие-то холуи посмеют не пропустить тебя, напомни им об этом.

– А ты, Гарри, подготовь ребят с лопатами, завтра им предстоит много копать, – услышал я сзади, когда, подталкиваемый рукой сержанта, выходил наружу.

Весь путь мы проделали молча – каждый думал о своем, а у меня после сегодняшнего дня болело и гудело все. Хотелось просто упасть и никогда не вставать с кровати. Я так устал, что уснул, и растолкали меня только возле двери колледжа.

Я молча слез и зашел внутрь. Зверски хотелось спать, но я нашел в себе силы пойти в душ и постирать вещи: у меня был только этот комплект, и завтра он мне нужен был чистым. Едва добравшись до кровати, я отключился.

– Мистер ван Дир! – Голос издалика звал меня и звал, а я отмахивался от него и старался втянуть голову в подушку, чтобы не слышать. К сожалению, подушки и одеяла резко не стало, и холодный воздух вызвал мурашки на голом теле. Пришлось открыть глаза и посмотреть на того, кто посмел меня будить. Мне казалось, что я лег всего час назад.

– Вставайте. – Мистер Траст выглядел очень недовольным. – За вами пришли и ждут уже час.

– Кто? Зачем? – еле слышно спросил я, попытавшись встать, но тяжесть во всем теле не давала мне сделать это. Мышцы и кости ныли.

– Сержант Джеймс грозит выломать двери и прийти сюда сам, – поджав губы, ответил он.

Вспомнив вчерашний день и поняв, что это был не сон, я застонал, но стал подниматься. Зная сержанта, а еще лучше – его инспектора, не сомневался в подобном исходе событий.

– Скажите, пусть подождет: умоюсь, поем и выйду через двадцать минут.

– Еду я принес, в том числе и обед, – отмахнулся привратник. – Он сказал, что вам нужно больше есть.

Выругаться мне не позволило воспитание, а так захотелось, тем более что вчера мой словарный запас значительно пополнился...

Быстро умывшись и приведя себя в порядок, я натянул мятый костюм. Желания гладить его не было, как не было и времени это делать. Поэтому я подхватил коробку с едой и, откусывая от бутерброда на ходу, поплелся к воротам. Еще один день ада – вот что меня ждало за их пределами.

Меня уже ожидали коляска и очень недовольный сержант, который при моем появлении хотел что-то сказать, но мне после вчерашнего стало безразлично, что обо мне подумают, поэтому я молча достал из коробки еще один бутерброд и вручил ему со словами:

– Просто молчите, а то я передумаю и вернусь.

Не знаю, что его остановило – бутерброд в моей руке или угроза, но он закрыл рот и открывал его только тогда, когда откусывал большие куски. Коробка мне больше не пригодилась, и пришлось ее выкинуть на полдороге, так как мы вдвоем умяли все, что мне положил мистер Траст. От мыслей о том, что я буду есть на обед, я был сейчас далеко. Страшно болело тело, хотелось спать, да и не оставлять же без завтрака такого же невыспавшегося и голодного человека.

– Спасибо, – коротко произнес он, и я лишь кивнул ему в ответ, принимая благодарность.

Вскоре я заметил, что мы свернули с улицы, по которой ехали вчера, и направились в другую сторону.

– Мистер Джеймс? – все же решил уточнить я.

– Инспектор сказал везти тебя сразу на кладбище.

– Зачем меня на кладбище? – испугался я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.